

№ 29. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 21 Іюля 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № [illegible] Годъ VII.

Въ Новой Гвинеѣ.

Изъ путешествія **Люи Трегана**. Переводъ **Н. М. Поль**.

(*Продолженіе.*)

Глава XIV.

Прежде всего нашъ предводитель послалъ лазутчиковъ узнать, свободенъ-ли проходъ Монакимъ. Они возвратились съ извѣстіемъ, что правитель Ураты завладѣлъ имъ и охраняетъ его опытными войсками. Тогда-то увидѣли, но слишкомъ поздно, какъ благоразуменъ былъ совѣтъ, которымъ пренебрегли. Отчаяніе овладѣло всѣмъ Кутаромъ. Нападеніе на измѣнника казалось теперь невозможнымъ, такъ какъ закрылся проходъ, соединявшій обѣ части королевства. Что было дѣлать?

Я былъ убѣжденъ, по внѣшнему виду горной цѣпи, къ которой принадлежалъ пикъ Топаворку, что на югъ отъ него существуетъ проходъ, ведущій въ Урату. Я предложилъ отыскать его и отправился на поиски въ сопровожденіи Ланны и 12 человѣкъ, что дало мнѣ возможность изслѣдовать еще другую часть Папуазіи. 6 дней мы карабкались по горамъ, не открывъ ничего, и напослѣдокъ пришли къ такому крутому склону, что идти по немъ далѣе было невозможно. Мы спустились въ равнину, которую примѣтили еще издали, и тамъ, на территоріи Хоксхи, встрѣтили племя, враждебное орангонокамъ. Нашъ маленькій отрядъ не могъ бы силою добиться пропуска, по этому мы спрятались на день, а ночью намъ удалось пройти, не возбудивъ вниманія нашихъ спящихъ враговъ. Черезъ полдня пути, мы пришли къ берегу широкой рѣки, которая текла на югъ. Я назвалъ ее Топаворку и сталъ отыскивать бродъ, по которому мы могли перейти ее, но вскорѣ замѣтилъ, что напрасно теряю время отыскивая небывалый бродъ. Несмотря на это, рѣшившись идти впередъ во что бы то ни стало, я въѣхалъ съ лошадью въ рѣку и когда она перестала доставать дно, спустился съ нея и ухватясь за хвостъ, выплылъ съ нею на противоположный берегъ. Мои товарищи вообразили, что я потерялъ разсудокъ, видя, какъ я бросился въ Топаворку. Убѣдясь, что я остался здравъ и невредимъ, они закричали отъ радости и, смѣло послѣдовавъ моему примѣру, очутились вскорѣ рядомъ со мною.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ.

Китайскія непромокаемыя пальто.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Я былъ убѣжденъ, что цѣль экспедиціи достигнута мною и что менѣе чѣмъ черезъ 6 дней пути мы будемъ въ Уратѣ. Мы отправились въ дальнѣйшій путь и очень обрадовались, увидѣвъ на третій день вечеромъ, вершину вулкана Топаворку, которымъ я любовался во время перваго путешествія моего въ Урату.

Ланна раздѣлялъ теперь вполнѣ мое убѣжденіе, что, поднявшись на эту часть цѣпи Топаворку, мы придемъ къ Прфаку и, слѣдуя по берегу, достигнемъ Ураты. Мы немедленно вернулись въ Кутаръ, гдѣ принесенная нами вѣсть была встрѣчена общею радостью. Мы пробыли въ отсутствіи всего 16 дней. Въ собраніи поо было рѣшено, что предпріятіе представляетъ достаточно шансовъ для успѣха и значительный отрядъ около 2,000 чел. былъ снова ввѣренъ маститому поо. Въ награду за сдѣланное нами открытіе, Ланна и я были назначены начальниками и на этотъ разъ мы раздѣляли съ поо отвѣтственность и управленіе экспедиціей. Мы шли тѣмъ же путемъ, что и 3 недѣли тому назадъ, и на этотъ разъ я имѣлъ болѣе досуга для изученія страны. Великолѣпные плоды росли въ лѣсахъ, изобиловавшихъ дичью, что было кстати, такъ какъ орангоноки, которые ни разу еще не предпринимали такого далекаго похода, не имѣли никакого понятія, какъ продовольствовать войско и мы бы рисковали умереть голодною смертью, если бы сама природа не позаботилась о нашихъ нуждахъ. Изъ животныхъ чаще всего встрѣчались антилопы, буйволы, бизоны, лоси, тигры и кенгуру, которыхъ туземцы звали донъ-донъ. Ланна спросилъ, видалъ-ли я ихъ прежде, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, подвелъ меня къ дереву и обратилъ мое вниманіе на звѣрка, похожаго на кенгуру, только меньше, который съ ловкостью

обезьяны перепрыгивалъ съ одной вѣтки на другую, доставая листья, служившіе ему пищей. Впослѣдствіи, я замѣтилъ, что эти странныя, маленькія четверорогія также многочисленны въ Новой Гвинеѣ, какъ и яркооперенные онанко.

На седьмой день мы прибыли въ сторону хокски. Они поджидали насъ у подошвы горы, выстроившись въ боевомъ порядкѣ и на нашу попытку парламентировать отвѣчали градомъ стрѣлъ, которыя, къ счастью, пролетѣли у насъ надъ головою, не сдѣлавъ намъ никакого вреда. Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы дождались наступленія ночи и, посовѣтовавшись, рѣшились воспользоваться темнотою, чтобы спуститься въ равнину. Въ 3 часа утра мы начали приводить въ исполненіе планъ, руководясь только блѣднымъ свѣтомъ звѣздъ и останавливаясь почти на каждомъ шагу вслѣдствіе безпрестаннаго паденія солдатъ. Въ 5 часовъ мы были уже на непріятельской территоріи, раздѣлясь на 3 колоны, готовыя принять бой. Наше появленіе, впрочемъ, не устрашило враговъ; съ громкими криками, размахивая съ вызывающимъ видомъ своими копьями, они подошли къ намъ приблизительно на 100 метровъ и пустили въ насъ стрѣлы, сдѣлавшія намъ мало вреда, потому что непріятели наши цѣлились плохо. Перейдя въ свою очередь въ наступленіе, мы бросились съ копьями на враговъ, но встрѣтили мужественное сопротивленіе. Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ огромнымъ негромъ, который силился отнять у меня копье, но я, спрыгнувъ съ лошади, ударилъ его саблею, не выпуская изъ рукъ копья. Я долженъ сознаться, что прыжокъ не былъ высокъ, такъ какъ сидя на самой большой орангонокской лошади, я почти доставалъ ногами до земли. Дикарь ловко увернулся, ударъ сабли пришелся по копью, которое переломилось на двое, остріе осталось въ рукахъ у негра и онъ бросился съ нимъ на меня. Къ счастью, я когда-то бралъ уроки фектованія; противникъ мой былъ храбръ и по крайней мѣрѣ одной силы со мною, но мнѣ все-таки удалось побороть его.

Сраженіе продолжалось около часа и непріятель, отступивъ, оставилъ на полѣ битвы 50 убитыхъ и много раненыхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ также пали и мы уже съ ужасомъ предвидѣли необходимость съ оружіемъ въ рукахъ очистить себѣ дорогу въ Уарату, когда предводители хокски явились съ предложеніемъ мира и свободнаго прохода чрезъ ихъ территорію вплоть до рѣки Тонаворку. Мы поспѣшили принять ихъ предложенія и приглашенія остаться у нихъ до слѣдующаго дня; они нанесли намъ жизненныхъ припасовъ, ухаживали за нашими ранеными и даже развлекали насъ танцами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы направились къ рѣкѣ, причемъ нашими проводниками служили предводители хокски. Мы сочли полезнымъ ихъ присутствіе для того, чтобы сдержать ихъ племя, если бы оно вздумало напасть на насъ хитростью, но, дойдя до берега Тонаворку, возвратили имъ свободу, размѣнявшись дружественными обѣщаніями. Увы! хокски показались орангонокамъ менѣе опасными, чѣмъ воды Тонаворку. Напрасно, я и Ланна бросались вплавь, чтобы подать имъ примѣръ, напрасно нѣсколько смѣльчаковъ послѣдовали за нами, большинство отряда оставалось какъ вкопанное на берегу, и я боялся, что намъ придется вступить въ Уарату, только съ половиною войска. Наконецъ, послѣ цѣлаго дня увѣщаній и колебаній, мы всѣ собрались на противоположномъ берегу.

По трудности перехода черезъ Тонаворку мы съ Ланной поняли, что будемъ непремѣнно побѣждены на берегахъ Ирфака, если правитель Уараты помѣшаетъ нашей переправѣ. Мы рѣшили идти форсированнымъ маршемъ, чтобы достигнуть цѣли нашей экспедиціи прежде, чѣмъ узнаютъ о нашемъ приближеніи, и наши маленькія лошадки оказались такими легкими и быстрыми, что въ 4 дня мы добрались до Ирфака. На берегахъ его царствовала глубокая тишина, можно было подумать, что находишься въ необитаемой странѣ. Мы поспѣшили воспользоваться этою нежданною удачею и немедленно переправились; теперь до города было близко. Мы послали ночью лазутчика къ городу. Онъ явился на разсвѣтѣ, съ вѣстью, что не сдѣлано никакихъ приготовленій къ защитѣ. Ободренные этою увѣренностью, мы тотчасъ же выступили и въ 9 часовъ утра прибыли въ Уарату. Горожане не любили правителя; увидѣвъ насъ, они заперлись въ домахъ и пропустили насъ по узкимъ улицамъ до самаго дворца, гдѣ произошла небольшая стычка. Войска правителя были убѣждены, что мы прошли проходомъ Монакимъ и что вслѣдъ за нами идетъ все войско Кутара. Они оказали самое незначительное сопротивленіе, и мы могли захватить измѣнника, котораго немедленно отослали въ Кутаръ обыкновенною дорогою; войско, защищавшее ее, положило оружіе, увидѣвъ въ плѣну своего предводителя.

Правитель Уараты судился въ Кутарѣ и ноо приговорили привязать его къ дереву и уморить голодною смертью,—той самой казнью, которой онъ подвергъ много орангоноковъ! Будь онъ такъ же уменъ, какъ жаденъ, никогда бы городъ Уарата не былъ взятъ и на западномъ склонѣ Тонаворку образовалось бы новое, могущественное государство.

Глава XV.

Я поспѣшилъ вернуться въ Кутаръ, гдѣ меня ожидала милая Лямлямъ. Во время моего отсутствія, съ разрѣшенія короля, Кайгаръ построилъ для меня трехъ-этажный домъ, окруженный верандами. Совѣтъ ноо согласился на мою женитьбу съ условіемъ, что я приму обычаи орангоноковъ, на что я не колеблясь согласился. Я отправился къ верховному жрецу орангоноковъ, Уапутѣ, который сказалъ мнѣ, что я пробуду у него цѣлую недѣлю и онъ сдѣлаетъ мою кожу такого же цвѣта, какъ и у моей будущей жены. Каждый день Уапута намазывалъ мнѣ тѣло какими-то растительными веществами, а на восьмой день, съ головы до ногъ, закуталъ меня въ тунику, какую носили всѣ туземцы, но до того грязную, что мнѣ понадобилось много силы воли, чтобы рѣшиться надѣть ее. Самъ же верховный жрецъ одѣлся въ великолѣпное платье, украшенное золотомъ, а помощники его, одѣтые почти также богато, отвели меня къ источнику, протекавшему среди рощей, посвященныхъ Отару. Тамъ собралась многочисленная толпа мужчинъ и женщинъ, и какъ только я показался, забили барабаны и всѣ туземные музыканты принялись наперерывъ извлекать мелодическіе звуки изъ своихъ инструментовъ. Шумъ этотъ прекратился при появленіи верховнаго жреца. Онъ всталъ возлѣ меня и проговорилъ длинную молитву Отару. Каждый разъ, когда произносилось это священное имя, всѣ присутствующіе падали ницъ, повторяя его про себя.

Это было въ первый разъ, что я присутствовалъ при религіозной церемоніи у орангоноковъ. Въ Ражекѣ суевѣрные касги, собирались для обращенія къ Отару, когда этого требовали интересы племени; въ Уаратѣ я не видѣлъ ни одного жреца и ни въ Кутарѣ, ни въ Ражекѣ никогда не слышалъ, чтобы кто-нибудь молился. Уапута, обративъ глаза къ солнцу, простеръ обѣ руки надъ колѣнопреклоненной толпой. Въ эту минуту два жреца вошли въ ручей и верховный жрецъ, взявъ меня за руки подвелъ къ нимъ, напѣвая гимнъ, который вся толпа повторяла хоромъ. Внезапно оба помощника Уапуты схватили и погрузили меня нѣсколько разъ въ ручей; при каждомъ погруженіи толпа повторяла все громче и громче хоровое пѣніе. Наконецъ, въ послѣдній разъ меня такъ долго продержали подъ водою, что отвратительное платье свалилось съ меня и я вышелъ изъ воды, голый и почти такого же оливковаго цвѣта, какъ любой красавецъ-орангонокъ. Толпа разразилась восторженными криками и припала лицомъ къ землѣ. Жрецъ запѣлъ новый гимнъ и пока толпа повторяла его, на меня надѣли обычную одежду начальниковъ третьяго разряда.

Церемонія кончилась, я сталъ орангонокомъ и всѣ присутствующіе начальники окружили меня со своими женами и поздравляли со вступленіемъ въ ихъ среду.

На слѣдующій день король принялъ меня и вручилъ мнѣ саблю Я надѣялся, что настало уже время жениться на Лямлямъ, и умолялъ отца ея не откладывать долѣе нашего брака. Увы! пришлось ожидать еще 15 дней, такъ какъ дозволялось вступать въ бракъ только во время полнолунія. Эти 15 дней тянулись очень медленно: наконецъ насталъ канунъ моей свадьбы и я спрашивалъ себя мысленно, какія еще испытанія предстоятъ мнѣ, когда ко мнѣ привели невольника, требуя, чтобы я положилъ руку на его голову, въ доказательство, что онъ принадлежитъ мнѣ. Я спросилъ, зачѣмъ, и мнѣ объяснили, что его должны принести въ жертву Отару для ниспосланія мнѣ счастія. На мой отказъ подчиниться этому обычаю, мнѣ отвѣчали, что этого требуетъ законъ, что иногда приносятъ въ жертву до 6 невольниковъ, ради благополучія новобрачныхъ и что если я не дамъ согласія на смерть этого несчастнаго, который дрожалъ у моихъ ногъ, Лямлямъ принуждена будетъ исполнить это за меня. Я далъ себѣ слово во чтобы то ни стало спасти несчастнаго и побѣжалъ растолковать Кайгару, что если бѣлый согласится на убійство раба, его Богъ повелѣваетъ немедленно повѣсить на деревѣ и оставить его тѣло въ добычу червямъ, Кайгаръ поколебался: онъ повелъ меня къ Уапутѣ, къ которому я обратился съ тѣмъ же аргументомъ, но съ меньшимъ успѣхомъ. Я объявилъ ему тогда, что покажу слова, сказанныя моимъ Богомъ, вынулъ Библію изъ кармана, показалъ ему и прочелъ громко слѣдующее мѣсто изъ книги Бытія: «Кто убьетъ человѣка, смертію да умретъ», которое я перевелъ: «кто убьетъ невольника, да будетъ повѣшенъ на деревѣ и станетъ добычею червей». Верховный жрецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласился, чтобы невольникъ былъ отданъ въ полное мое распоряженіе, съ условіемъ, что онъ дастъ принести себя въ жертву, какъ только я этого пожелаю.

Я провелъ ночь въ шалашѣ, тщательно скрытомъ между деревьями въ рощѣ, посвященной Отару. Какъ только солнце показалось на горизонтѣ, Уапута запѣлъ гимнъ и продолжалъ его, пока барабанный бой не возвѣстилъ прибытія моей невѣсты, ея отца и друзей. Верховный жрецъ подвелъ Лямлямъ къ жертвеннику; она распростерлась на священной землѣ и надъ нею пропѣли нѣсколько священныхъ словъ. Затѣмъ ее отвели въ рощу и она стала бѣгать по ней въ сопровожденіи молодыхъ дѣвушекъ, которыя помогали ей искать ея мужа. Разумѣется, она не нашла меня, такъ какъ ей не позволили подойти къ шалашу, гдѣ я былъ спрятанъ, и она должна была снова вернуться къ жертвеннику, говоря, что не можетъ найти Трегана, и умоляя Отару возвратить его. Тогда жрецы потребовали у нея подарки и, получивъ ихъ, запѣли снова гимнъ, прерванный появленіемъ Лямлямъ. Потомъ меня вывели и вмѣстѣ съ моею женою посадили въ коробку, въ родѣ паланкина, который подняли на плечи носильщики и мы отправились въ путь при звукахъ отчаянной музыки, менѣе оглушительной впрочемъ, чѣмъ крики толпы, вы-

ражавшей свою радость визгомъ и воемъ. Черезъ полчаса, весь этотъ гамъ прекратился; мы прибыли въ Кутаръ. Толпа сопровождала насъ до тѣхъ поръ, пока паланкинъ не поставили на землю, снова приподняли, какъ будто втаскивая на лѣстницу и наконецъ установили на ровномъ мѣстѣ. Я услышалъ удаляющіеся шаги; Лямлямъ шепнула мнѣ, что мы дома; я вышелъ изъ паланкина и очутился въ третьемъ этажѣ нашего дома.

Мы оставались безвыходно дома впродолженіи цѣлой недѣли, такъ какъ выйти раньше считалось неприличіемъ; а по истеченіи этого срока должны были снова подвергнуться кошачьей музыкѣ. Это служило знакомъ нашего вступленія въ свѣтъ и намъ пришлось, къ величайшему моему неудовольствію, принять участіе въ рядѣ пировъ и празднествъ, данныхъ въ нашу честь.

(*Продолженіе будетъ.*)

Музыка.

Стихотв. **Кн. Дм. Голицына.**

Дайте услышать мнѣ дивные звуки
Музыки чудной;
Ей утоляются тяжкія муки
Горькой и трудной
Жизни, въ которой одни лишь страданья,
Вздохи и слёзы;
Гдѣ не сбываются наши желанья,
Чудныя грёзы;
Гдѣ безпокойной души утѣшенья
Рѣдки, немноги;
Гдѣ остаются намъ только мученья,
Сердца тревоги.
Дайте послушать, какъ сладостно стонутъ
Арфа и лира:
Въ звукахъ чудесныхъ блѣднѣютъ и тонутъ
Горести міра.

Сонъ Алойуса.

Разсказъ **Эркмана-Шатріана**, переводъ **М. Г. Минутъ.**

Надобно вамъ сказать, что меня окрестили въ честь св. Алойуса и когда наступаетъ этотъ день, я его провожу съ моими пріятелями: Фрицомъ, Никлосомъ и Людвигомъ, въ «Золотомъ Львѣ». Мы болтаемъ о разныхъ разностяхъ, о дождѣ, о хорошей погодѣ, о невѣстахъ, о счастіи быть холостякомъ и т. д. Мы попиваемъ бѣлое вино, а вечеромъ честнымъ образомъ расходимся по домамъ, благодаря Творца за его неизрѣченныя милости. Каждый изъ насъ празднуетъ точно также день своего ангела и такимъ образомъ, вмѣсто одного праздника у насъ выходитъ ихъ нѣсколько; но это не всѣмъ по сердцу, бабье поднимаютъ содомъ, когда приходишь домой позже одиннадцати часовъ. Я-то жаловаться немогу, у меня одна бабушка Анна; она немного глуха и когда заснетъ, то хоть обворуй весь домъ, садъ и виноградникъ, она не шевельнется, какъ пень. Это, положимъ, не бѣда, но иногда бываетъ неудобно. Разъ, луннымъ вечеромъ я возвращаюсь домой и нахожу дверь назапорѣ: я зову, кричу, стучу; милая бабушка, должно быть, спитъ спокойно. Слышу, другіе ужъ достучались у своихъ дверей; имъ отперли, а я все жду. Становилось свѣжо и я говорилъ себѣ: «Ну, Алойусъ, если тебя застигнетъ туманъ, да заложитъ уши, какъ нашему дьячку, когда онъ разъ заночевалъ въ кравинѣ, и не услышишь даже церковнаго звона во всю жизнь, берегись весенняя роса очень вредна».

Я долженъ былъ направить свои стопы къ сараю, перелѣзъ черезъ плетень и очутился на дворѣ. Хочу отворить дверь риги, заперта! иду въ давильню, заперто! толкнулъ дверь въ закуту, также заперто! Луна свѣтила полнымъ блескомъ и, казалось, насмѣхалась надо мной. Мое приключеніе начинало меня сердить. Я понатужился, загородка закуты подалась, я влѣзъ и забрался въ ясли, засунулъ ворохъ соломы подъ голову и, благодаря Бога, заснулъ.

Только что я задремалъ, какъ мнѣ приснился удивительный сонъ. Вижу я, будто мы съ Никлосомъ, Людвигомъ и Фрицомъ пьемъ мартовское пиво на колокольнѣ. Мы сидѣли на лавкахъ, передъ нами стоялъ боченокъ съ пивомъ, а пономарь Брейтштейнъ позванивалъ ключами и иногда дергалъ за веревку колокола вмѣсто музыки. Все было прекрасно,—но становилось немного жарко. Мы хотимъ сойти внизъ, каждый взялъ свою кружку, но мы не видимъ лѣстницы! Мы бѣгаемъ взадъ и впередъ и наконецъ начинаемъ кричать внизъ народу: «Свяжите нѣсколько лѣстницъ вмѣстѣ!» Надъ нами всѣ смѣются и никто не двигается съ мѣста. Тутъ же видимъ мы и школьнаго учителя Пфейфера въ парикѣ съ крысинымъ хвостикомъ и патера Тони съ требникомъ подъ мышкой; и они тоже смѣялись. Вотъ Людвигъ и говоритъ: «Надо же отыскать лѣстницу!» А Брейтштейнъ отвѣчалъ: «Это Богъ на васъ прогнѣвался за то, что вы не уважили святого мѣста».

Мы просто помѣшались какъ тѣ несчастные, которые строили вавилонскую башню,—у всѣхъ у насъ была одна мысль. «Мы изморимся въ конецъ, потому что боченокъ пустъ; намъ остается ожидать, чтобы кто-нибудь сжалился надъ нами.

Наконецъ Никлосъ, наскучивши слушать наши предположенія, застегнулъ до верху свое платье, сдвинулъ на затылокъ треуголку и сѣлъ верхомъ на свою бутылку говоря: «Чудаки, вы все еще затрудняетесь, дѣлайте, какъ я!» Въ это мгновеніе онъ перешагнулъ черезъ рѣшотку и прыгнулъ съ колокольни. Насъ подралъ морозъ по кожѣ, а Фрицъ закричалъ: «Онъ разобьется въ прахъ!»

Но вотъ Никлосъ взлетѣлъ снова на верхъ, какъ всплываетъ пробка на поверхность воды; лицо его было красно и глаза вытаращены. Онъ уцѣпился за рѣшетку и зоветъ насъ:

— Ну же, слѣзайте, видите, какъ это просто!

— Да, ладно, говорю ему я, — ты лазай себѣ сколько хочешь, ты самъ знаешь, что ты бредишь, между тѣмъ, какъ мы видимъ всю деревню, общинное правленіе и гнѣздо аистовъ, и площадь, и фонтанъ, и улицу, полную народа, на насъ глазѣющаго. Во снѣ-то не хитро летать вверхъ и внизъ, какъ птица!

— Ну! вскричалъ Никлосъ, хватая меня за воротъ,—слѣзай!

Я на самомъ краю рѣшотки, Никлосъ тянетъ меня внизъ, церковь мнѣ кажется ужасъ какъ высока, она колеблется... Я зову на помощь. Брейтштейнъ звонитъ, какъ по покойникѣ, со всѣхъ щелей вылетаютъ вороны, надо мной пролетѣлъ аистъ съ вытянутой шеей и съ ящерицей въ клювѣ. Я цѣплялся за рѣшотку съ отчаяніемъ погибающаго; вдругъ я чувствую, что Людвигъ беретъ меня за ноги и приподнимаетъ; Никлосъ охватилъ мою шею; тутъ я перевѣшиваюсь за рѣшетку и лечу, вопя: «Господи, помилуй! Господи Боже мой!»

Мнѣ подтянуло страшно животъ и я проснулся. Я былъ ни живъ, ни мертвъ. Открываю глаза, смотрю: сквозь затворы свѣтитъ день, лучъ солнца, какъ пламя, проникаетъ въ закуту и я подумалъ: «Милосердный Боже, это былъ сонъ!» Мысль эта оживила меня; я поправилъ солому, чтобы лечь повыше, и вытеръ съ лица холодный потъ.

Было, должно быть, часа три утра, солнце всходило за цвѣтущими яблонями, я его не видѣлъ, но чувствовалъ его; я смотрѣлъ и слушалъ въ глубокомъ молчаніи и мечталъ. Мнѣ все было мило: и соломенки, которыя свѣшивались съ балки, и паутина въ углахъ, и волосатая морда моего Шимеля, которую онъ частенько наклонялъ ко мнѣ и при этомъ пресмѣшно щурилъ глаза, и старая коза Карлота, съ своей тонкой шеей, съ маленькой рыжеватой бородкой, и козленокъ, пріютившійся у ея сосцовъ. Меня умиляла даже пыль, которая трепетала въ золотыхъ лучахъ солнца, и огромная глиняная чашка, наполненная морковью для кроликовъ. Я думалъ: «Какъ тутъ все хорошо, какъ тепло и какъ мой бѣдный Шимель жуетъ всю ночь отаву, а старушка Карлота смотритъ на меня своими усталыми глазками! Что ни говорите, а пріятно имѣть такой хлѣвъ. Вотъ и сверчокъ затрещалъ... Эге, да вотъ и кроличья матка вылѣзаетъ изъ за загородки и преуморительно насторожила уши. Я не шевелился. Черезъ минуту она вспрыгнула и вытянула свои длинныя заднія ноги; она подвинулась подъ лучи солнца и слегка подпрыгивала, такъ что вся ея шерсть свѣтилась. Потомъ вылѣзъ старый кроликъ отецъ, чорный съ рыжеватымъ отливомъ, съ желтыми бакенбардами, съ внушительной важностью; а за нимъ выскочили и малютки, сперва одинъ, потомъ другой, а тамъ и вся семья, ушки у нихъ на спинѣ и хвостъ трубой. Они окружили чашку и усики у нихъ зашевелились; они глодали, грызли; маленькіе едва могли протискаться. А на дворѣ пѣлъ пѣтухъ, курицы кудахтали, жаворонки звенѣли въ воздухѣ, и щегленки просыпались въ гнѣздахъ, пріютившись въ моемъ виноградникѣ, и малиновки въ живой изгороди сада, все ожило, все запѣло! Слышно было, какъ щеглята пищали въ гнѣздахъ, должно быть, просили пищи, а въ небесахъ пѣли ихъ отцы, должно быть, для того, чтобы поддержать ихъ терпѣніе.

«Господи, сколько дивнаго на свѣтѣ, чего мы не видимъ, когда не думаемъ объ истинной жизни».

«Ну, думалъ я, Алойусъ, счастливъ ты, что ты живъ, самъ Богъ спасъ тебя, потому что вѣдь легко могло статься, что сонъ обратился бы въ дѣйствительность!»

Размышляя объ этомъ, я умилялся въ душѣ, я думалъ: «Однако, вотъ уже мнѣ тридцать два года, а я такъ болтаюсь на свѣтѣ, ни себѣ, ни людямъ. Праздновать имянины еще не Богъ знаетъ какая заслуга, да и это становится скучнымъ и однообразнымъ. И какъ обрадуется бѣдная старушка бабушка, когда увидитъ внучатъ. Боже великій! кажется, въ красивыхъ дѣвушкахъ недостатка нѣтъ, а лучше всѣхъ Сюзель Ребъ, вотъ ужь настоящая красавица, румяная, голубоглазая, свѣжая, какъ вишня. А какъ она была рада, что я съ ней танцовалъ на вечеринкѣ у стараго Цимера, какъ она оппралась на мою руку! Да, Сюзель очень мила и я увѣренъ, что она бы мнѣ отперла дверь, какъ бы поздно я ни пришелъ; она не допустила бы, чтобы я почевалъ въ ригѣ, какъ это сдѣлала бабушка. Она не глухая, она бы услыхала мой стукъ!»

Я взглянулъ на стараго кролика; онъ, казалось, былъ очень счастливъ въ своей семьѣ; глаза у него свѣтились, какъ звѣздочки; онъ почесывалъ лапкой мордочку и весело встряхивалъ ушами. Я подумалъ: «Вѣдь не захочу же я походить на моего стараго Шимеля, вѣдь не проживу же я одинъ на бѣломъ свѣтѣ, когда вонъ даже и кроликъ величается своими дѣтенышами. Нѣтъ, такъ дѣло не можетъ оставаться.—Сюзель въ самомъ дѣлѣ добрая дѣвушка!»

Тутъ я вылѣзъ изъ яслей, отчистилъ соломенки съ платья и сказалъ себѣ: «Надо положить этому конецъ! У меня будетъ женка, она мнѣ отворитъ двери, хоть и покричитъ немного, ну, да это всетаки пріятнѣе, нежели проспать въ ясляхъ и видѣть восиѣ, какъ летишь съ колокольни. Пе-

ремѣню бѣлье, надѣну голубой камзолъ и въ путь. Пусть мой родъ не угасаетъ».

Вотъ о чемъ я думалъ. И я поступилъ такъ, какъ говорилъ. Въ этотъ же день я пошелъ къ старому Ребу и посваталъ Сюзель. Батюшки свѣты, какъ мы всѣ были рады, и я, и Сюзель, и старый отецъ, и бабушка! Вѣдь стоитъ только собраться съ духомъ и все пойдетъ, какъ по маслу.

Послѣ завтра мы будемъ справлять свадьбу въ «Золотомъ Львѣ»; будемъ пѣть, плясать, пить старое рейнское вино и, Богъ не безъ милости, когда на будущую весну жаворонки выведутъ своихъ птенцовъ, въ моемъ гнѣздышкѣ тоже будетъ пичужка; хорошенькій маленькій Алойусъ; онъ протянетъ свои розовыя ручонки, какъ крылышки, а Сюзель будетъ его кормить, какъ птичку. А я, какъ старый воробей, буду напѣвать имъ пѣсенки.

Изобрѣтенія и открытія.

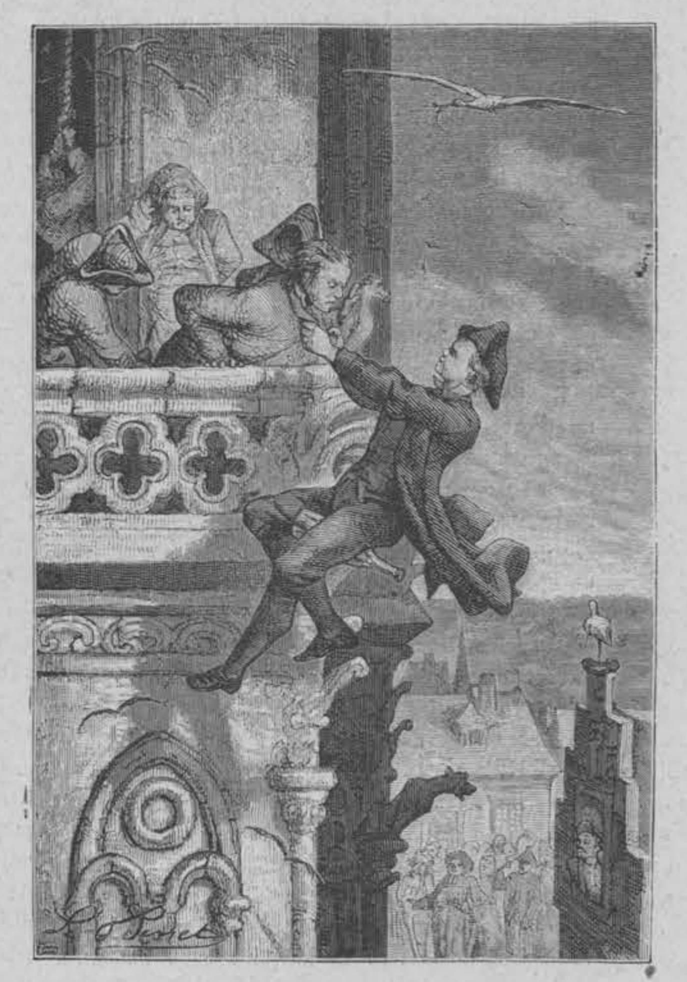
(Ст. Л. М. Невольскаго.)

(*Окончаніе.*)

Заговоривъ о телеграфіи, кстати будетъ познакомить читателей съ новинками телеграфнаго дѣла. Въ Парижѣ недавно введена пневматическая система передачи депешъ, дѣйствующая весьма успѣшно и позволившая понизить телеграфную таксу до 50 сантимовъ (15 коп.) за произвольное число словъ на открытомъ бланкѣ и до 75 сантим, ($22^1/_2$ к.) — на бланкѣ закрытомъ. Явилось даже предположеніе о преимуществѣ пневматическаго телеграфа надъ электрическимъ, что весьма вѣроятно для небольшихъ разстояній. Что касается подземныхъ телеграфовъ то сѣть ихъ особенно развивается въ Германіи и Англіи; въ послѣдней длина подземной телеграфной сѣти достигаетъ 2,000 географ. миль. Впрочемъ, теперь поднялись голоса противъ пригодности этихъ телеграфовъ, ибо хотя подземные телеграфы не боятся бурь, снѣговъ и болѣе гарантированы отъ злоумышленной порчи, но постройка ихъ обходится въ 3—4 раза дороже постройки обыкновенныхъ телеграфовъ, а проводимость тока во столько же разъ слабѣетъ. Резиновая муфта, служащая для изоляціи проводника, подвергается порчѣ отъ мышей и даже имѣетъ спеціальныхъ враговъ въ лицѣ насѣкомаго Tempeltonia crystallina и особаго рода грибка. Эти недостатки подземныхъ телеграфовъ пытается устранить Давидъ Бруксъ изъ Филадельфіи, изобрѣтатель патентованнаго изолятора для подземныхъ телеграфныхъ проводниковъ. Бруксъ обертываетъ проволоку бумажными нитями и сплетаетъ въ канатъ по 50 проволокъ и болѣе, а затѣмъ всю такую систему укладываетъ въ трубы. Роль изолятора играетъ нефть, наливаемая въ трубы уже послѣ ихъ укладки.

Подводные, дорогостоющіе кабели тоже имѣютъ своихъ враговъ. Журналъ «L'Electricité» приводитъ интересныя объясненія довольно частой порчи и прорывовъ кабелей. Микроскопическое животное Limmaria terebrans разрушаетъ гуттаперчевую оболочку кабелей, но въ большинствѣ случаевъ виновниками являются подводные злоумышленники весьма почтенныхъ размѣровъ. Кабель изъ Кайены въ Пара былъ прорванъ громадными рыбами, слѣды зубовъ которыхъ остались уликой на изолирующей оболочкѣ. Пила-рыба зачастую пробуетъ годность своего страшнаго оружія на кабеляхъ Антильскаго моря. Морскимъ черепахамъ заблагоразсудилось испортить Гаванскій кабель, и кабель Персидскаго залива разорванъ на двое неосторожнымъ китомъ, который, по всей вѣроятности, вздумалъ игнорировать это препятствіе или же вовсе не замѣтилъ его, за что и поплатился жизнью, такъ какъ, запутавшись въ оборванномъ канатѣ, онъ въ цвѣтѣ лѣтъ окончилъ свою жизнь. Молнія дважды повреждала телеграфный кабель Средиземнаго моря, въ другихъ мѣстахъ разрывъ кабеля обусловливался силою морскихъ теченій или собственною тяжестью кабеля, свѣшивавшагося надъ подводными пропастями. Наконецъ, не менѣе опасными являются подводныя вулканическія изверженія и землетрясенія. Ясно, что устранить воздѣйствіе послѣдней группы причинъ, наука оказывается безсильной; но посягательства обитателей подводнаго міра можно отчасти парализировать измѣненіемъ вещества, предохраняющаго подводные телеграфные проводники, хотя, впрочемъ, доказано, что примѣсь ядовитыхъ веществъ къ гуттаперчѣ, покрывающей проволоку, оказывалась до сихъ поръ безрезультатной.

(Къ ст. Сонъ Алойуса.) — Ну! вскричалъ Никлосъ, хватая меня за воротъ,—слѣзай.

Въ засѣданіи парижской академіи наукъ, 26 мая, Треска давалъ отчетъ въ видѣнныхъ имъ въ сахароварнѣ Сермезъ, въ департаментѣ Марны, опытахъ паханія, при чемъ двигателемъ было электричество. Магнито-электрическая машина Грама приводилась въ движеніе паровымъ двигателемъ и дѣлала 1200 оборотовъ въ минуту. Развивающійся токъ, по сплетенному изъ 9 мѣдныхъ проволокъ канату, передавался на разстояніи 400 метровъ къ тележкѣ, откуда посредствомъ коммутатора, обращался къ другой такой же тележкѣ, расположенной еще на 250 метровъ дальше. На обѣихъ тележкахъ, по мѣрѣ надобности, токъ приводилъ въ движеніе валы машинокъ Грама и этимъ движеніемъ, посредствомъ другого механизма, вращался барабанъ діаметромъ въ 1 метръ, на который былъ навернутъ металическій канатикъ діаметромъ въ 12 милиметровъ, тащившій двойной брабантскій плугъ. Произведенная работа равнялась силѣ 3 паровыхъ лошадей. По мнѣнію референта, опыты удались въ совершенствѣ.

Слѣдуетъ предполагать, что лошади не особенно огорчатся этою замѣной и гораздо болѣе будутъ въ претензіи на электричество за то, что оно явилось орудіемъ, парализирующимъ слишкомъ рѣзкое проявленіе нравственной индивидуальности нѣкоторыхъ лошадей, норовъ которыхъ зачастую освобождалъ ихъ отъ всякой работы. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французскаго земледѣльческаго общества, Белла сообщилъ, что лошади съ норовомъ, кусающіяся, лягающіяся, неспокойныя, дѣлаются вполнѣ послушными и позволяютъ запрягать себя, лишь только пропустить чрезъ ротъ лошади слабый электрическій токъ при каждомъ проявленіи норова. Токъ получается при посредствѣ маленькой индуктивной машинки системы Кларка, проволоки отъ которой идутъ къ удиламъ. Способъ этотъ уже предлагался на парижской выставкѣ прошлаго года и въ шведскомъ отдѣлѣ выставки можно было видѣть спеціальный для этого приборъ. Въ случаѣ надобности, стоитъ лишь пожать особую пуговку и самый своенравный Буцефалъ дѣлается тише воды, ниже травы. При томъ же, способъ этотъ немучителенъ для животнаго и ужъ во всякомъ случаѣ человѣчнѣе другихъ, употребляемыхъ до сихъ поръ способовъ укрощенія лошадей, въ особенности варварскаго сшиванія дратвой вѣкъ у своенравныхъ лошадей и тому подобныхъ жестокостей.

Изъ новостей въ области физіологіи заслуживаютъ вниманія опыты Юнга относительно вліянія различныхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра на развитіе животныхъ. Для своихъ экспериментовъ Юнгъ бралъ икру обыкновенной лягушки (Rana temporaria и R. esculenta), икру форели и яички болотной улитки (Limnaca stagnalis). Вотъ выводы этихъ интересныхъ опытовъ: 1) различные цвѣтовые лучи спектра весьма различно вліяютъ на развитіе яичекъ помянутыхъ животныхъ; 2) фіолетовые лучи ускоряютъ развитіе; затѣмъ по силѣ слѣдуютъ голубой, желтый и бѣлый цвѣтъ; 3) красные и зеленые лучи оказываются вредными и, повидимому, совершенно парализируютъ развитіе яичекъ; 4) темнота способствуетъ опаздыванію развитія; 5) головастики, лишенные пищи, скорѣе умираютъ въ фіолетовыхъ и голубыхъ лучахъ спектра и 6) смертность, повидимому, больше въ цвѣтныхъ лучахъ, чѣмъ въ бѣлыхъ.

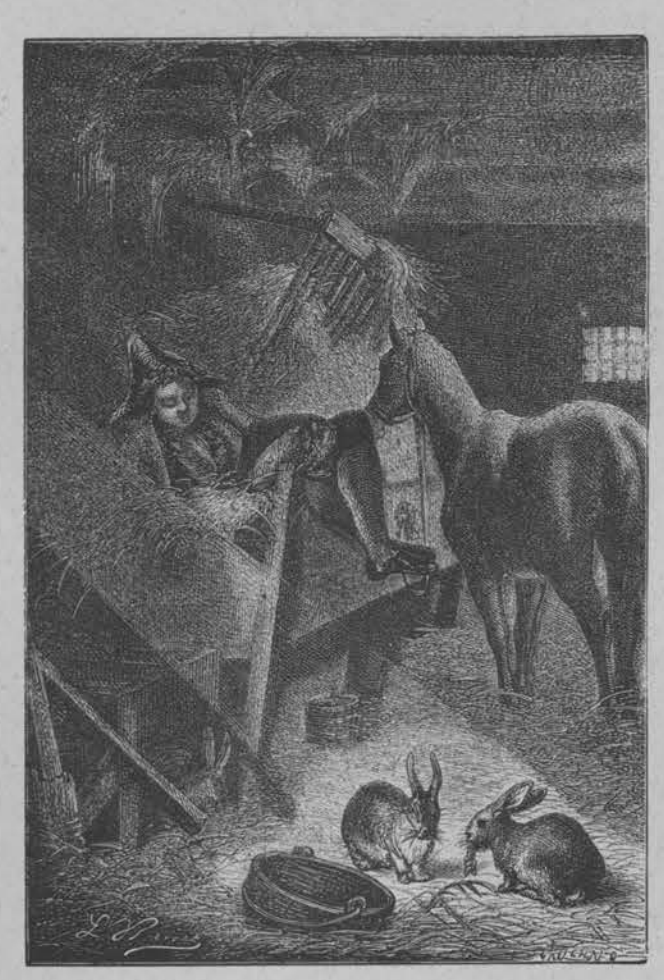
Насколько важно участіе свѣта въ нормальномъ развитіи организма можно видѣть на лошадяхъ, родившихся въ копяхъ. Такъ какъ въ глубокихъ бельгійскихъ копяхъ взрослыя лошади не выносятъ непривычной обстановки, а потребность въ рабочей силѣ лошадей весьма обширна, то стали опускать въ копи беременныхъ кобылъ въ надеждѣ, что родившіяся подъ землей жеребята освоятся съ измѣненными условіями ихъ жизни. Опыты удались вполнѣ, но перемѣна обстановки обусловила нѣкоторую метаморфозу въ организмѣ лошади. Во 1) онѣ не доразвиваются до нормальныхъ размѣровъ; во 2) глаза ихъ приспособляются къ темнотѣ и въ 3) шерсть родившихся въ копяхъ лошадей получаетъ видъ плюша и весьма напоминаетъ шерсть крота. Будучи извлечены на поверхность земли, такія лошади сначала бываютъ ослѣплены лучами солнца, но затѣмъ проявляютъ самую живую радость.

Къ этой же области фактовъ, доказывающихъ приспособленіе организмовъ къ измѣнившимся условіямъ жизни, слѣдуетъ отнести случаи, когда травоядное животное, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, дѣлается плотояднымъ. Извѣстно, что

на крайнемъ сѣверѣ, за недостаткомъ сѣна и другихъ растительныхъ продуктовъ, лошади и коровы зимой питаются сушеною рыбою. Наши одичавшіе петербургскіе голуби съ жадностью глотаютъ куски мяса и жира, выбрасываемые для нихъ мясниками, и сами садятся на возы съ привезенными мясными тушами. Въ настоящее время къ этимъ извѣстнымъ уже фактамъ прибываетъ еще одинъ, опубликованный Аргайлемъ въ англійскомъ журналѣ «Nature». Нѣкто Пайкъ въ Гленадари, на западномъ берегу Ирландіи, имѣетъ самку обыкновеннаго орла (Aquila chrysaëtos), взятую еще птенцомъ и прожившую въ клѣткѣ уже 25 лѣтъ. Птица эта весной 1877 года положила 3 яйца, которыя были затѣмъ подмѣнены двумя гусиными яйцами. Орлица высидѣла двое гусятъ, изъ которыхъ одинъ околѣлъ. Оставшійся гусенокъ сначала не оказывалъ желанія питаться мясомъ, такъ что его принуждены были кормить соотвѣтствующей пищей; впослѣдствіи, однакожь, онъ нашелъ возможнымъ измѣнить традиціямъ своихъ лапчатыхъ предковъ. Когда орлицѣ давали пищу, она рѣзкимъ крикомъ звала своего пріемыша и тотъ, опрометью бросался уписывать куски мяса, заботливо разрываемаго для него орлицей. Аргайль, провѣрявшій лично этотъ замѣчательный фактъ, разсказываетъ, что послѣ гусыня, имѣвшая уже годъ отъ роду, устроила себѣ гнѣздо въ клѣткѣ орлицы, положила туда 11 яицъ и насиживала ихъ, чередуясь съ орлицей. Пайкъ, однакожь, предупредилъ вылупливаніе птенцовъ, опасаясь весьма возможныхъ столкновеній между гусынею и орлицей, связанныхъ узами самой тѣсной дружбы.

Взаключеніе—нѣчто невѣроятное: Газета «Отголоски» сообщаетъ въ «хроникѣ открытій и изобрѣтеній», объ одномъ замѣчательномъ открытіи, сдѣланномъ въ области физіологіи, нѣкоимъ Ротюра въ Сиднеѣ: «Его имя уже связано съ изслѣдованіями по ботаникѣ и естественной исторіи Южной Америки; помощникомъ же его является г. Джемсъ Грантъ, долго работавшій надъ изученіемъ и практическимъ приложеніемъ различныхъ способовъ охлажденія. Мѣсяцевъ 5 тому назадъ Ротюра обратился къ Гранту съ просьбою оказать ему свое содѣйствіе относительно изобрѣтеннаго имъ особаго способа перевозки животныхъ въ Европу живыми. Ротюра заявилъ, что онъ открылъ въ Южной Америкѣ растительный ядъ, имѣющій свойство пріостанавливать жизненныя отправленія; обмираніе, достигаемое этимъ способомъ, продолжается до того времени, пока введеніе другого растительнаго вещества не заставитъ кровь возобновить ея прерванное сообщеніе, а сердце — его обычныя функціи. Прекращеніе жизни до такой степени полно, что Ротюра замѣтилъ въ жаркомъ климатѣ признаки разложенія на оконечностяхъ членовъ, послѣ того, какъ эта мнимая смерть продолжалась цѣлую недѣлю. Поэтому ему пришла мысль, что если помѣстить какое либо тѣло, приведенное въ состояніе инерціи, въ температуру достаточно низкую, чтобы остановить разложеніе, то обмираніе можетъ быть продолжено втеченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, быть можетъ, даже втеченіи цѣлыхъ годовъ. Изобрѣтатель откровенно сознался, что не дѣлалъ опытовъ сохраненія тканей посредствомъ холода и что поэтому не можетъ высказать никакого мнѣнія о тѣхъ результатахъ, которые могъ бы дать такой способъ въ ту минуту, когда обмершее животное должно быть опять возвращено къ жизни.

«Грантъ сначала выражалъ сомнѣніе; но мало по малу онъ началъ интересоваться сдѣланнымъ ему предложеніемъ и наконецъ высказалъ живѣйшее любопытство видѣть опытъ надъ его собственною собакою. Ротюра впрыснулъ собакѣ двѣ капли жидкости, смѣшанной съ глицериномъ, черезъ легкій уколъ, сдѣланный въ ухѣ. Черезъ 3 или 4 минуты животное упало въ состояніи совершенной окоченѣлости; лапы были вытянуты, глаза широко раскрыты, зрачки чрезвычайно расширены—всѣ симптомы представляли полную аналогію съ отравленіемъ посредствомъ стрихнина, съ тою только разницею, что животное не испытывало ни конвульсій, ни боли. Ротюра поднялъ животное и положилъ его на полку, прося Гранта оставить собаку въ такомъ положеніи до 10 часовъ слѣдующаго дня, и обѣщая снова возвратить ее къ жизни, несмотря на то, что она казалась совершенно мертвою. Втеченіи всего дня и всей ночи Грантъ безпрестанно осматривалъ собаку, жизнь которой повидимому прекратилась совершенно. Ни въ пульсѣ, ни въ сердцѣ, незамѣтно было ни малѣйшаго движенія, которое позволило бы надѣяться на возможность возвращенія жизни. Втеченіи первыхъ часовъ температура тѣла мало по малу упала на 25 градусовъ (по Фаренгейту) ниже нормальной температуры крови. На слѣдующее утро тѣло было также холодно, какъ оно обыкновенно бываетъ у мертвыхъ.

(Къ ст. Сонъ Алойуса.) Потомъ вылѣзъ старый кроликъ.

Въ 10 часовъ явился Ротюра. Онъ потребовалъ тазъ съ теплою водою и положилъ въ него голову собаки. На возраженія Гранта, Ротюра отвѣтилъ, что такъ какъ жизнь остается прерванною, до употребленія противоядія, то въ легкія не можетъ проникнуть ни одной капли воды; погруженіе же тѣла въ теплую воду имѣетъ единственною цѣлью привести кровь къ ея естественной температурѣ. Черезъ 20 минутъ собаку вынули изъ воды и черезъ уколъ въ шею впрыснута была другая жидкость. По словамъ Гранта, оживленіе животнаго было самымъ поразительнымъ зрѣлищемъ, которое ему случалось видѣть до той поры. Возвращеніе жизни выразилось прежде всего въ глазахъ; потомъ черезъ $5^1/_2$ минутъ собака начала дышать и окоченѣлость членовъ прекратилась; по прошествіи еще нѣсколькихъ минутъ, она начала шевелить хвостомъ, потомъ медленно поднялась, потянулась и начала ходить, какъ будто съ ней ничего не произошло.

«Съ этого мгновенія Грантъ убѣдился, что открытіе Ротюра можетъ повести къ необычайнымъ послѣдствіямъ...»

Какъ хорошо иногда временно изъять себя изъ обращенія до дней болѣе радостныхъ...

Фридрихъ Шопенъ.

Ст. П. В. Га—на.

(*Продолженіе.*)

Отецъ композитора, Николай Шопенъ, прибылъ въ 1787 г., изъ бывшаго герцогства лотарингскаго, семнадцатилѣтнимъ юношей въ Варшаву, по приглашенію вліятельной, въ то время, г-жи Лачинской, домашнимъ учителемъ къ ея дѣтямъ. Вскорѣ онъ усвоилъ польскую рѣчь, безъ которой ему невозможно было сближеніе съ окружавшимъ его польскимъ обществомъ. Проживъ почти шесть лѣтъ въ Варшавѣ, онъ считалъ уже Польшу своимъ вторымъ отечествомъ, будучи вполнѣ доволенъ положеніемъ въ семьѣ своихъ учениковъ, съ которыми пришлось ему разстаться съ отъѣздомъ ихъ родителей во Францію, въ 1793 году. Тогда Шопенъ рѣшился оставить Польшу и вернуться къ своимъ роднымъ; но серьезная болѣзнь удержала его въ Варшавѣ. Въ 1794 г. онъ вступилъ въ ряды защитниковъ Польши, въ національную гвардію, гдѣ и дослужился до чина капитана. Съ паденіемъ Варшавы, взятой Суворовымъ, отецъ Фридриха Шопена рѣшился вернуться во Францію, но вторичная опасная болѣзнь удержала его снова въ Варшавѣ, гдѣ онъ и содержалъ себя, нѣсколько лѣтъ, уроками французскаго языка. Потомъ онъ поступилъ учителемъ въ домъ графини Скарбекъ, жившей въ городѣ Куявы и тамъ познакомился съ дѣвицею Юстиной Крижановскою, на которой и женился въ 1806 году. Три дочери и сынъ Фридрихъ, родившійся 1-го марта 1809 года, въ усадьбѣ графа, въ шести миляхъ отъ Варшавы, составляли семью Шопена. Будущій композиторъ былъ младшій въ семьѣ; графъ Фридрихъ Скарбекъ былъ его крестнымъ отцомъ, въ честь котораго и крестникъ получилъ имя Фридриха. Когда, на основаніи Тильзитскаго мира съ Наполеономъ I, было образовано великое герцогство Варшавское, тогда въ числѣ многихъ другихъ и Николай Шопенъ переѣхалъ съ семействомъ въ Варшаву, гдѣ и получилъ кафедру французскаго языка во вновь основанномъ тогда лицеѣ, въ которомъ и обучалъ втеченіи двадцати одного года, т. е. до самаго его закрытія въ 1832 г. и, кромѣ того, въ артиллерійскомъ училищѣ занималъ туже кафедру съ 1812 года. Съ закрытіемъ лицея и училища, Николай Шопенъ былъ приглашенъ въ число членовъ экзаменнаго комитета, для испытанія желавшихъ получить званіе учителя среднихъ учебныхъ заведеній, а впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ духовной римско-католической академіи. Усиленныя занятія по преподаванію разстроили наконецъ его здоровье и онъ вынужденъ былъ оставить общественную дѣятельность и, получивъ пенсіонъ, занялся воспитаніемъ сверстниковъ своего сына, сыновей лучшихъ польскихъ фамилій, охотно отдававшихъ своихъ дѣтей въ его семью, зная образцовую честность и благородный его характеръ. Такимъ образомъ, Фридрихъ Шопенъ въ своемъ отрочествѣ былъ окруженъ сверстниками лучшихъ фамилій своей родины, пока не умеръ

его отецъ, семидесяти четырехъ лѣтъ, въ 1844 году. Мать Фридриха была замѣчательная, по своимъ достоинствамъ, женщина. Она дѣлила радости и горе съ мужемъ своимъ; не знала чувства гордости вслѣдствіе успѣховъ въ музыкальномъ мірѣ ея сына; перенесла съ рѣдкой покорностью и смиреніемъ тяжелыя потери мужа, двухъ дочерей, старшей, уже замужней, и младшей четырнадцати лѣтъ, и наконецъ, единственнаго и горячо любимаго сына, съ которымъ не могла даже быть въ послѣднія минуты его жизни.

Вторая сестра Фридриха, Изабелла, жена бывшаго инспектора училищъ, Барцинскаго, а въ настоящее время директора пароходства по Вислѣ, живетъ и теперь въ Варшавѣ. Мать же ея, жившая у ней послѣ смерти своего мужа, скончалась 1-го октября 1861 года.

Съ первыхъ лѣтъ дѣтства, музыка производила на Шопена сильное впечатлѣніе; онъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда слышалъ ее. Онъ самъ просилъ родителей, чтобы дали ему возможность учиться игрѣ на фортепьяно, которое онъ предпочиталъ другимъ инструментамъ. Лучшій, въ то время, въ Варшавѣ піанистъ, Альбертъ Живны, былъ первымъ учителемъ Шопена. На второй годъ ученья, онъ уже импровизировалъ и, не умѣя выражать вѣрно свои мысли нотами, просилъ учителя записывать ихъ, чтобы со временемъ имѣть возможность исправить свои первыя сочиненія. Чрезъ два, три года ученья, Шопенъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что въ Варшавѣ съ удивленіемъ говорили о его необыкновенномъ талантѣ. На девятомъ году своего возраста, Шопенъ игралъ уже въ концертѣ въ пользу бѣдныхъ города Варшавы, 24 февраля 1818 года, и привелъ слушателей въ восторгъ. Всѣ представители аристократіи начали приглашать юнаго піаниста къ себѣ; назовемъ только князей Чарторижскаго, Санѣгу, Четвертинскаго, Любецкаго, Радзивила; графовъ Скарбека, Волицкаго, Гуссажевскаго, Лемпицкаго. Княгиня Четвертинская ввела Шопена въ салонъ княгини Ловичъ, супруги великаго князя Константина Павловича, также оцѣнившаго его необыкновенный талантъ. Первыми сочиненіями Шопена были полонезы, мазурки и вальсы; наконецъ ему удалось написать маршъ, который онъ и посвятилъ великому князю, милостиво принявшему десятилѣтняго композитора и съ удовольствіемъ прослушавшаго маршъ сыгранный Шопеномъ. Маршъ этотъ такъ понравился великому князю, что онъ приказалъ инструментировать его для оркестра, и во время парадовъ, играть его для церемоніальнаго марша въ войскахъ. Необыкновенная способность Шопена къ сочиненіямъ, побудила его отца пригласить другого учителя для обученія мальчика законамъ гармоніи, но съ условіемъ, чтобы занятія эти не мѣшали сыну готовиться къ поступленію въ варшавскій лицей. Тогда родители Шопена еще и не думали объ артистической карьерѣ сына. Одинъ изъ друзей отца, Эльсперъ, директоръ консерваторіи и композиторъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ оперъ и мелодрамъ, трехъ симфоній и нѣсколькихъ струнныхъ квартетовъ, былъ приглашонъ для обученія контра-пункту Шопена. Отношенія ученика къ учителю были и остались до кончины перваго самыми дружескими. Когда близкіе къ Шопену говорили Эльсперу, что ученикъ его не подчиняется принятымъ правиламъ, и увлекается собственной фантазіей, то почтенный директоръ консерваторіи отвѣчалъ:

— Оставьте его въ покоѣ; Шопенъ не идетъ обыкновеннымъ путемъ потому, что обладаетъ самъ необыкновеннымъ дарованіемъ. Онъ не придерживается строго старинныхъ правилъ, за то у него есть свои, собственныя, и они доставятъ его сочиненіямъ такую оригинальность и красоту, которыхъ еще не было до него у другихъ.

Пророчество Эльснера вполнѣ сбылось впослѣдствіи, и счастье, что такой учитель былъ у Шопена и, не стѣсняя его педантизмомъ, давалъ возможность свободно развернуться его таланту.

Въ 1824 году Фридрихъ Шопенъ поступилъ въ четвертый классъ лицея, гдѣ и кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Къ рисованію и къ поэзіи онъ имѣлъ также большія способности. Пятнадцати лѣтъ онъ написалъ въ стихахъ комедію «Заблужденіе» или «Хитрый обманщикъ», которую и разыгралъ съ своими сестрами въ главныхъ роляхъ, въ день именинъ своего отца. Рисовать карикатуры былъ онъ также большой мастеръ. Какъ-то разъ тетрадь съ его рисунками на учителей и директора лицея попалась въ руки воспитателя, который предъявилъ ее директору Линде; послѣдній отнесся какъ нельзя болѣе гуманно и, возвращая Шопену его карикатуры, сказалъ: «ваши рисунки дѣйствительно хороши». Въ каникулярное время, живя въ деревнѣ Шафарня, у пріятеля своего отца, Шопенъ издавалъ небольшую газету, по образцу газеты «Варшавскій курьеръ», подъ названіемъ «Курьеръ Шафарскій», въ которой онъ и былъ единственнымъ сотрудникомъ, замѣняя ею переписку съ друзьями и сообщая въ ней о жизни въ деревнѣ и о музыкальныхъ піесахъ, игранныхъ Пишономъ (Pichon), какъ онъ называлъ себя.

Изъ многихъ его дѣтскихъ шутокъ, приведемъ одну. Однажды, вечеромъ, въ отсутствіе отца Шопена, пансіонеры послѣдняго затѣяли какую-то ссору и подняли такой крикъ въ залѣ, что находившійся при нихъ учитель, не въ состояніи былъ успокоить ихъ. На шумъ прибѣжалъ Фридрихъ и объявилъ молодежи, что онъ сыграетъ имъ интересную импровизацію, если они обѣщаютъ прекратить ссору. Какъ только Шопенъ сѣлъ за рояль, мальчики присмирѣли. Фридрихъ потушилъ свѣчи и предварительно разсказалъ имъ содержаніе своей импровизаціи. Онъ объяснилъ, что разбойники подкрались къ дому по лѣстницамъ, приставленнымъ къ окнамъ, вошли къ нимъ въ зало, но испугались, увидя въ немъ столько людей, и убѣжали въ темный лѣсъ, гдѣ и заснули при свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ. Играя все нѣжнѣе и тише, какъ бы желая усыпить своихъ слушателей, Шопенъ убѣдился, наконецъ, что всѣ они дѣйствительно заснули. Тогда выйдя тихонько изъ залы, онъ пригласилъ свою мать и сестеръ слѣдовать за нимъ со свѣчами. Можно вообразить ихъ удивленіе при видѣ спящихъ шалуновъ; чтобы разбудить ихъ, Шопенъ взялъ нѣсколько громкихъ, оглушительныхъ аккордовъ, отъ которыхъ заснувшіе проснулись и, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, не понимали, что съ ними случилось. Общій смѣхъ семьи Шопена заключилъ эту музыкальную шалость юнаго импровизатора. Вообще слѣдуетъ сказать, что когда жившіе у старика Шопена воспитанники, сверстники его сына, переходили границу дозволенныхъ шалостей и подымали сильный шумъ, то стоило Фридриху сѣсть за фортепьяно, чтобы возстановить тишину и порядокъ.

Несмотря на легкость, съ какою владѣлъ Шопенъ даромъ импровизаціи, онъ чрезвычайно старательно разрабатывалъ пьесы, назначенныя къ печати. Иногда какая-нибудь музыкальная мысль занимала его до того, что онъ избѣгалъ общества и уединялся, пока не овладѣвалъ окончательно тѣмъ, что занимало его. Нерѣдко, просыпаясь по ночамъ, онъ садился за фортепьяно, стоявшее въ его спальнѣ, и бралъ нѣсколько акордовъ, желая развить музыкальную мысль, или выразить ее гармоничнѣе. Какъ скоро ему удавалось это, онъ снова ложился въ постель, и такъ случалось, иногда, по нѣсколько разъ втеченіи ночи. Домашняя прислуга, не понимая настоящей причины подобной отрывочной игры ночью, считала его сумасшедшимъ. Во время загородныхъ прогулокъ и во время лѣтнихъ каникулъ, Шопенъ внимательно прислушивался къ пѣснямъ косарей и народа, а также и къ игрѣ странствующихъ музыкантовъ. Онъ находилъ наслажденіе, сохранивъ въ памяти слышанныя мелодіи, передавать и разработывать ихъ на своемъ любимомъ инструментѣ.

— Кто творецъ этихъ прелестныхъ мелодій, слышныхъ въ мазуркѣ или краковякѣ? спрашивалъ себя Шопенъ.—Кто учитъ этихъ крестьянъ такъ вѣрно пѣть и играть на скрипкѣ?

И когда онъ обращался за отвѣтомъ къ другимъ, то никто не давалъ ему яснаго объясненія. Впослѣдствіи уже Шопенъ самъ говорилъ, что какъ мелодія, такъ и слова, въ большинствѣ случаевъ, составляютъ произведеніе многихъ людей. Такъ одинъ поетъ отъ избытка чувствъ, не учась и не зная музыки; другой, услыхавъ такую пѣсню, измѣняетъ въ ней кое-что, улучшаетъ; такъ переходитъ пѣсня изъ устъ въ уста, пока не сдѣлается народнымъ достояніемъ. Глубоко сочувствуя красотамъ мелодій народныхъ пѣсенъ, Шопенъ нерѣдко включалъ ихъ въ свои позднѣйшія сочиненія и придавалъ имъ особенно прелестный колоритъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе.*)

XI.

Минусинскіе татары.

И въ Сибири, и въ европейской Россіи есть не мало инородческихъ племенъ, которыя представляя собою, если можно такъ выразиться, обрывки болѣе многочисленныхъ племенъ, живущихъ отдѣльно отъ нихъ, сами по себѣ почти вовсе не имѣютъ этнографическаго интереса. Таковы, напр., татары тобольской и томской губерній, съ ихъ магометанской культурой, благодаря которой, они почти ничѣмъ не отличаются отъ какихъ-нибудь рязанскихъ или казанскихъ татаръ. Совершенно иначе, чѣмъ къ нимъ, должна отнестись этнографія къ небольшому племени татаръ минусинскаго округа. Правда, и въ общественномъ бытѣ этихъ скотоводовъ мы не найдемъ ничего оригинальнаго, что существенно отличало бы ихъ отъ какихъ-нибудь якутовъ или бурятъ, но за то ихъ вѣрованія и особенно произведенія ихъ народной поэзіи могутъ дать намъ чрезвычайно интересные матеріялы для сужденія о томъ, чѣмъ былъ татарскій народъ въ древности, за долго до распространенія въ немъ магометанства. Минусинскіе татары—такіе же шаманисты, какъ буряты, и кромѣ различныхъ именъ ихъ божествъ, религіи этихъ двухъ племенъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются другъ отъ друга, но за то эти татары имѣютъ множество эпическихъ сказаній, превосходно рисующихъ и ихъ вѣрованія, и ихъ древній бытъ. Я могъ бы, какъ это дѣлаютъ присяжные этнографы, описать подробно весь нарядъ минусинской татарки, начиная отъ головного убора и кончая мѣховыми овчинными панталонами, разсказать о способѣ приготовленія кумыса, о свадебныхъ обрядахъ и т. д., но полагаю, что доставлю болѣе удовольствія, если вмѣсто всѣхъ этихъ скучныхъ подробностей передамъ содержаніе одного отрывка изъ народнаго эпоса этихъ татаръ.

Подъ высокой горой, на бѣломъ морѣ, стоялъ улусъ, а степь кишѣла людьми и скотомъ. Этимъ улусомъ владѣлъ богатырь Кулатъ-Миргенъ, жену его звали Кубагенъ, и была у нихъ дочь Кубайко, да сынъ Комдей-Миргенъ. Дочери было 5 лѣтъ, а сыну 3 года. Однажды утромъ Кулатъ-

Миргенъ встаетъ, одѣвается, сѣдлаетъ своего коня и садится на него. «Куда ѣдешь ты, могучій богатырь», спрашиваетъ его жена. Старикъ отвѣчаетъ: «Нашей дочери вотъ уже 5 лѣтъ и все это время я не видѣлъ своего скота; пора же и сосчитать его; моему сыну 3 года и все это время я не видѣлъ своего народа, поѣду посмотрѣть на него». Онъ поѣхалъ открытою степью и, поднявшись на высокую гору, посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ множество своего народа и свои богатыя стада. «Сколько народа и сколько скота далъ мнѣ Богъ», сказалъ онъ. «Хозяинъ, Кулатъ-Миргенъ, проговорилъ ему конь,—есть богатыри гораздо богаче и сильнѣе тебя». На вопросъ, какіе и гдѣ, конь отвѣчалъ: «За девятью землями живетъ богатырь Калангаръ-Тайджи, братъ его Катай-Ханъ и зять Сокай-Алтынъ. Сегодня пріѣдетъ отъ нихъ гонецъ требовать отъ тебя дани». Кулатъ-Миргенъ, думая, что никогда въ жизни не будетъ онъ платить дани никакому хану, поѣхалъ обратно и вблизи своего дома увидѣлъ слѣды богатырскаго коня. Не слѣзая съ сѣдла, онъ вызвалъ своихъ сына и дочь и спросилъ, кто былъ въ улусѣ. Они отвѣчали: «Пріѣзжалъ могучій богатырь Канъ-Миргенъ на рыжемъ конѣ, но кто онъ и откуда, мы не знаемъ. Онъ сказалъ, что два брата, Калангаръ-Тайджи и Катай-Ханъ и зять ихъ Сокай-Алтынъ требуютъ дань съ него, и онъ бѣгаетъ отъ нихъ 40 лѣтъ, такъ какъ не въ состояніи бороться съ такими сильными богатырями, но думаетъ, что въ союзѣ съ тобою онъ побѣдилъ бы ихъ. Уѣзжая, онъ не велѣлъ говорить, что былъ здѣсь, если явятся гонцы отъ братьевъ-богатырей». Услышавъ это, Кулатъ-Миргенъ сошелъ съ коня, но тотчасъ же явился гонецъ отъ богатырей-братьевъ и закричалъ такъ сильно, что Кулатъ-Миргенъ и конь его упали на землю. Гонецъ спросилъ, былъ ли здѣсь Канъ-Миргенъ; перепуганный Кулатъ-Миргенъ отвѣчалъ, что Канъ былъ безъ него, дѣти видѣли его и говорили съ нимъ. Потребовавъ, чтобы Кулатъ завтра же явился съ данью къ богатырямъ-братьямъ, гонецъ поскакалъ по слѣдамъ Канъ-Миргена. Войдя въ юрту, Кулатъ-Миргенъ началъ совѣтоваться съ женою о томъ, какого рода дань требуютъ богатыри, людьми, скотомъ или другимъ имуществомъ? «Поѣзжай завтра самъ къ нимъ и спроси, чего имъ нужно отъ тебя», сказала жена. Кулатъ поѣхалъ и на половинѣ дороги встрѣтилъ множество народа, несшаго дань братьямъ соболиными мѣхами. «У меня нѣтъ соболей, сказалъ Кулатъ, чтобы платить ими дань за свою голову, и я заплачу имъ своей головой». Подъѣхавъ къ улусу богатырей-братьевъ, Кулатъ-Миргенъ началъ съ горы кричать имъ, что за неимѣніемъ соболей онъ отдаетъ свою голову. Но братья пировали и не слышали его голоса, тогда Кулатъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу и убилъ ихъ обоихъ. Зять ихъ Сокай-Алтынъ тотчасъ сѣлъ на своего коня, покрытаго пятнами, какъ тигръ, и поѣхалъ на Кулатъ-Миргена. Они сошли съ лошадей и стали бороться, боролись они цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ и, наконецъ, Сокай убилъ Кулата. Конь убитаго богатыря прибѣжалъ домой, гдѣ встрѣтили его вдова, сынъ и дочь и, ухватившись за шею его, начали плакать. Наконецъ, Комдей-Миргенъ сказалъ: «Слезами горю не поможешь и я поѣду мстить за смерть отца». И онъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ горѣ, на которой былъ убитъ его отецъ. Здѣсь онъ закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Не хвались Сокай-Алтынъ, что ты убилъ отца моего». Услышавъ это, Сокай-Алтынъ немедленно поѣхалъ къ Комдей-Миргену на гору и предложилъ ему выбрать оружіе, которымъ они будутъ драться. Комдей-Миргенъ сказалъ, что онъ готовъ драться, чѣмъ угодно; Сокай выбралъ лукъ и оба богатыря разъѣхались, ставъ каждый на высокой горѣ. Сокай кричитъ Комдею, чтобы онъ стрѣлялъ первымъ, но Комдей отказывается; тогда Сокай, натянувъ свой лукъ, послалъ стрѣлу, но она пролетѣла мимо. Комдей натянулъ свой лукъ и едва лишь пустилъ стрѣлу, какъ Сокай-Алтынъ повалился мертвымъ на землю. Комдей-Миргенъ направился къ улусу, чтобы овладѣть всѣмъ имуществомъ Сокай-Алтына, но, увидѣвъ подъ горой черную лисицу, погнался за нею. По ея слѣдамъ онъ доѣхалъ до высокой крутой горы, лисица взбѣжала на нее, но конь богатыря поскользнулся и упалъ съ горы, при чемъ Комдей переломилъ себѣ ногу и остался лежать на землѣ. Вдругъ изъ земли вышелъ сорокорогій быкъ, на которомъ сидѣлъ девятиголовый Джильбеганъ. Джильбеганъ отрубилъ голову богатырю и скрылся съ нею подъ землею, а конь побѣжалъ домой.

Когда мать и сестра увидѣли коня одного, безъ богатыря, то начали плакать и плакали 7 дней и 7 ночей. На 8-й день прекрасная Кубайко, одѣвшись въ свое лучшее платье, сѣла на братниннаго коня и велѣла ему везти себя къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ убиты ея отецъ и братъ. Ѣхала она между высокихъ горъ, видѣла широкое море и, прибывъ на гору, гдѣ убитъ ея отецъ, плакала надъ тѣломъ его 9 дней и 9 ночей. Затѣмъ, она поѣхала къ тѣлу брата и, увидѣвъ его обезглавленнымъ, спросила коня, что сталось съ головой его. Когда конь объяснилъ, что голову унесъ Джильбеганъ, она велѣла ему бѣжать въ догонку чудовища. По слѣдамъ Джильбегана она доѣхала до пещеры, чрезъ которую спустилась въ подземный міръ. Здѣсь встрѣтила она много чудесныхъ вещей. На дорогѣ видѣла 7 глиняныхъ кружекъ и старуху переливавшую молоко изъ одной кружки въ другую. Немного дальше, на песчаной равнинѣ, стояла привязанная лошадь, хотя не было кругомъ ни травы, ни воды, но лошадь была тучна и сильна. Дальше, на зеленомъ и орошенномъ водою лугу, стояла тощая и хилая лошадь. Въ одномъ мѣстѣ рѣка была запружена половиной человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ цѣлыя тѣла не могли запрудить подобной же рѣки. Полная ужаса, Кубайко прошла мимо всѣхъ этихъ предметовъ и встрѣтила дѣвушку, которая привѣтствовала ее и сказала, что она принадлежитъ землѣ, что у ней былъ братъ, Канъ-Миргенъ, котораго гонецъ отъ двухъ братьевъ-богатырей связалъ и увезъ къ Ирле-Ханамъ въ подземное царство. Этихъ Ирле-Хановъ 8, а 9-й атаманъ ихъ, который жжетъ огнемъ ея брата, чтобы видѣть, въ силахъ-ли она освободить его. Имя этой дѣвушки Канарко. Она пришла въ подземный міръ для спасенія своего брата, но когда достигла жилища Ирле-Хановъ, то услышала сильные удары молота, испугалась ихъ и рѣшилась возвратиться на бѣлый свѣтъ. Она дала Кубайко шелковый платокъ для передачи брату ея, Канъ-Миргену, чтобы онъ, если горитъ въ огнѣ, то обтиралъ этимъ платкомъ потъ. Дѣвушки разстались. Канарко вернулась на землю, а Кубайко все дальше и дальше проникала во внутренность подземнаго царства и встрѣтила чудеса, еще удивительнѣе прежнихъ. Удары молота слышались все сильнѣе и сильнѣе, и скоро Кубайко увидѣла, что 40 человѣкъ ковали, другіе 40 дѣлали пилы, а еще 40 приготовляли клещи. Ѣдучи по слѣдамъ Джильбегана, Кубайко пріѣхала на берегъ рѣки, текшей при подножіи высокой горы, на берегу этой рѣки стояло жилище Ирле-Хановъ,—каменный сорокаугольный домъ. Передъ входомъ въ него стояло 9 лиственицъ, росшихъ на одномъ корнѣ. Къ одному изъ деревьевъ были привязаны лошади Ирле-Хановъ. Кубайко увидѣла на одномъ деревѣ слѣдующую надпись: «Когда Кудай сотворилъ небо и землю, тогда явилось и это дерево и до сихъ поръ, кромѣ Ирле-Хановъ, ни одинъ человѣкъ, ни одно животное не подходили живыми къ этому дереву». Прочитавъ надпись и привязавъ къ дереву своего коня, Кубайко вошла въ жилище Ирле-Хановъ и затворила за собою дверь; внутри было темно и Кубайко заблудилась. Она почувствовала, что ее хватаютъ невидимыя руки, цѣпляются за ея платье, дергаютъ и терзаютъ ее. Она пыталась поймать своихъ мучителей — они не имѣли тѣла! Кубайко закричала, тогда отворилась дверь, просвѣтлѣло и вышелъ атаманъ Ирле-Ханъ. Онъ спасъ Кубайко и пошелъ назадъ, не говоря ни слова; дѣвушка слѣдовала за нимъ; она шла по многимъ покоямъ, которые были пусты и ждали обитателей; затѣмъ, шла она по другимъ наполненнымъ людьми покоямъ. Въ одномъ изъ нихъ сидѣли старухи и пряли ленъ; въ другомъ были тоже старухи, но онѣ ничего не дѣлали, а, казалось, хотѣли что-то проглотить, чего они не могли разжевать. Въ слѣдующемъ покоѣ сидѣли 4 женщины среднихъ лѣтъ, на шеѣ у нихъ были камни, которыхъ онѣ не могли пошевелить. 4-я комната была наполнена мужчинами, съ кольцами на шеѣ, на которыхъ висѣли огромныя деревья. Въ 5-мъ отдѣленіи Кубайко увидѣла простреленныхъ людей, вооруженныхъ стрѣлами и луками; они бѣгали съ крикомъ и воемъ. Та же бѣготня, тѣ же крики и вопли встрѣтили дѣвушку въ 6-мъ покоѣ, занятомъ мужчинами, которые ранили себя ножами. Вошедши въ 7-й покой, Кубайко увидѣла бѣшеную собаку и укушенныхъ ею людей, тоже бѣшеныхъ и разсвирѣпѣвшихъ. Въ 8-мъ отдѣленіи, мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, сдѣланнымъ только изъ одной шкуры, но тѣмъ не менѣе обѣ половины были покрыты. Затѣмъ Кубайко увидѣла въ 9-мъ отдѣленіи, что мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, сшитымъ хотя и изъ 9 овечьихъ шкуръ, но покрывшимъ только одну половину. Наконецъ, Кубайко вступила въ 10-е отдѣленіе, обширное, какъ степь. Здѣсь сидѣли 8 Ирле-Хановъ, къ которымъ присоединился и самъ атаманъ, шедшій съ Кубайко. Дѣвушка преклонилась передъ Ирле-Ханами и спросила, на какомъ основаніи подвластный имъ духъ Джильбеганъ отрубилъ и унесъ голову ея брата? Ирле-Ханы отвѣчали, что это сдѣлано по ихъ приказанію. Они согласились возвратить голову только въ томъ случаѣ, если Кубайко сможетъ вытащить изъ земли семирогаго барана, такъ глубоко вросшаго въ землю, что виднѣлись одни рога. Предпріятіе было опасно и Ирле-Ханы говорили Кубайко, что она сама можетъ лишиться своей головы; но дѣвушка не испугалась и Ирле-Ханы пошли изъ покоя, взявши ее съ собой. Они вели ее черезъ 9 отдѣленій, наполненныхъ человѣческими тѣлами, въ числѣ которыхъ Кубайко увидѣла голову своего брата; она остановилась и заплакала. Но Ирле-Ханы повели ее въ 10-й покой, гдѣ былъ закопанъ баранъ. Здѣсь они велѣли Кубайко приступить къ дѣлу. Она принялась тащить барана и скоро взвалила его на свои плечи. Тогда Ирле-Ханы упали къ ногамъ Кубайко, отдали ей голову брата и проводили ее изъ своего жилища. На дорогѣ они спрашивали, не можетъ-ли она, столь сильная богатырша, дать имъ совѣтъ, какъ сжечь богатыря Канъ-Миргена, который давно уже горитъ въ огнѣ, но сгорѣть не можетъ. Кубайко захотѣла посмотрѣть его, и Ирле-Ханы повели ее снова черезъ 9 покоевъ, въ которыхъ ковали кузнецы; въ 10-мъ жарился Канъ-Миргенъ. Кубайко воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы передать багатырю платокъ отъ его сестры, и просила Ирле-Хановъ освободить Канъ-Миргена, потому что онъ человѣкъ хорошій и мучится невинно. Отсюда пошли они дальше и ханы проводили Кубайко до выхода изъ подземнаго міра. Дорогою, по просьбѣ дѣвушки, Ирле-Ханы объясняли ей чудеса своего царства. «Старуха, которая переливаетъ молоко изъ кружки въ кружку, угощала на землѣ своихъ гостей молокомъ, смѣшаннымъ съ водой; въ наказаніе за это

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГРЕЙЛЯ.

„Наша-то уродина!"

Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

ИЗЪ МІРА ПРИРОДЫ.

Нападеніе враговъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

она должна цѣлую вѣчность отдѣлять воду отъ молока. Половина тѣла, которымъ запружена рѣка, не терпитъ наказанія; оно принадлежитъ мудрому человѣку, который могъ запруживать рѣки и исполнять все, что ни захотѣлъ. Половина трупа его лежитъ для напоминанія проходящимъ, что умный человѣкъ, лишившись даже своихъ членовъ, можетъ совершать великія дѣла своимъ разумомъ. Цѣлыя же тѣла, которыя не могли запрудить рѣки, должны напоминать, что одною физическою силою, человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего. Эти тѣла принадлежали сильнымъ, но не умнымъ людямъ. Жирная лошадь на песчаномъ лугу, служитъ доказательствомъ, что предусмотрительный человѣкъ и при дурномъ пастбищѣ можетъ хорошо содержать лошадь; напротивъ, тощая лошадь на зеленомъ лугу, показываетъ, что животное и на хорошемъ пастбищѣ будетъ дурно, если оставлено безъ присмотра». Кубайко спросила: «Что за существа схватили меня въ темномъ покоѣ, драли мое платье, мучили меня и не имѣли тѣла?» Ирле-Ханы отвѣчали: «Это наши служебные невидимые духи, которые вредятъ злымъ и могутъ умертвить ихъ; отъ добрыхъ же людей они держатъ себя далеко и не могутъ причинить имъ никакого зла... Женщины, которыя прядутъ въ первой комнатѣ, осуждены за то, что пряли на землѣ послѣ солнечнаго захода, хотя и запрещено заниматься въ это время какою бы то ни было работою. Сидящія во второмъ отдѣленіи получали на землѣ нитки для наматыванья на клубки, но дѣлали клубки пустыми внутри и воровали пряжу. Теперь они осуждены мотать эти клубки, но такъ какъ это невозможно, то клубки будутъ вѣчно сидѣть въ нихъ горлѣ. Молодыя женщины, которыя сидятъ въ 3-мъ отдѣленіи съ камнями на шеѣ и рукахъ, клали камни въ масло, чтобы прибавить ему вѣсу. За это цѣлую вѣчность, они должны носить тяжелые камни. Мужчины съ кольцами на шеѣ повѣсились изъ-за пресыщенія жизнію. Прострѣленные мужчины, въ 5-мъ отдѣленіи,—самоубійцы; раненые мужчины въ 6-мъ—въ пьяномъ видѣ зарѣзались ножами. Обитатели 7-го покоя страдаютъ за то, что были неосторожны передъ бѣшеными собаками и укушены ими. Въ 8-мъ покоѣ лежатъ супруги, которые могутъ служить примѣромъ того, что и малымъ имѣніемъ будутъ довольны супруги, если только между ними будетъ миръ и согласіе. Въ 9-мъ же покоѣ лежатъ супруги, которые на землѣ жили несогласно и каждый старался только о своихъ выгодахъ; они осуждены вѣчно ссориться за одѣяло, которое при согласіи было бы болѣе, чѣмъ достаточно для обоихъ».

Выслушавъ все это, Кубайко простилась съ Ирле-Ханами и возвратилась съ головою своего брата на бѣлый свѣтъ. Она отыскала трупъ брата и начала плакать, что не можетъ возвратить ему жизни. Кудай сжалился надъ дѣвушкой и далъ ей живой воды. Кубайко вспрыснула этой водой трижды губы своего брата,—Комдей-Миргенъ ожилъ и получилъ прежнюю силу. Вдругъ Кубайко слышитъ топотъ богатырскаго коня, испугавшись, она превратилась въ ласточку и поднялась вверхъ, но увидѣвъ, что вновь прибывшій богатырь на рыжемъ конѣ обходится съ братомъ ея дружелюбно, спустилась къ нимъ. Богатырь этотъ былъ безродный Канна-Каласъ, который, узнавъ о смерти Комдея, явился, чтобы похоронить его тѣло. Комдей побратался съ Канна-Каласомъ. Кубайко спрашиваетъ Канна-Каласа, не видѣлъ-ли онъ гдѣ черной лисицы, длиною въ 3 аршина. Богатырь отвѣчаетъ: «Эта лисица—дѣвушка Этюнъ-Араксъ, а отецъ ея—Изитъ-Ханъ. Онъ живетъ съ дочерью подъ землею и вмѣстѣ съ нею творитъ на землѣ всевозможное зло. Эту дѣвушку я уже давно ищу; еще въ дѣтствѣ лежалъ я 40 лѣтъ подъ однимъ камнемъ, и она въ образѣ лисицы пришла къ тому камню, намѣреваясь сожрать меня». Канна-Каласъ и Комдей-Миргенъ отправляются наказать Джильбегана и Черную лисицу. Вошли они въ подземный міръ и вскорѣ прибыли къ Ирле-Хану. Комдей-Миргенъ хотѣлъ застрѣлить его изъ лука, но Ирле-Ханъ сказалъ: «Не стрѣляй въ меня, я владыка подземнаго міра и имѣю здѣсь такую же власть, какъ Кудай на землѣ. Убить меня и невозможно и не дозволено». Комдей-Миргенъ спрашиваетъ Ирле-Хана, зачѣмъ онъ велѣлъ отрубить его голову и держалъ ее у себя?—«За то, отвѣчаетъ Ирле-Ханъ,—что ты убилъ одного сильнаго богатыря». Канна-Каласъ говоритъ, что онъ убьетъ Ирле-Хана, если только послѣдній не освободитъ Канъ-Миргена. Ирле-Ханъ освобождаетъ его и всѣ 3 богатыря отправляются дальше, проникая все глубже и глубже во внутренность подземнаго царства. Они встрѣчаютъ старика, одѣтаго въ зеленое платье верхомъ на конѣ и съ 7 собаками, который сказалъ имъ: «Ты, Комдей-Миргенъ, ищешь Джильбегана, ты, Канна-Каласъ хочешь получить извѣстіе о Черной Лисицѣ, а ты, Канъ-Миргенъ желаешь одолѣть гонца двухъ братьевъ богатырей. На 2 земныхъ пласта ниже есть море, у котораго живетъ Талай-Ханъ съ сыномъ своимъ Тазе-Мѣкё. Джильбеганъ и гонецъ обращались къ Талай-Хану за помощью противъ Комдей-Миргена и Канъ-Миргена; но Талай-Ханъ—людоѣдъ, онъ сварилъ ихъ въ котлѣ и съѣлъ; Черная-же Лисица живетъ въ своемъ домѣ и спитъ теперь на своей постели». Пріѣхали богатыри къ Талай-Хану, и Канъ-Миргенъ пошелъ къ нему. Его встрѣчаетъ Тазе-Мѣкё и говоритъ: «Вотъ уже 9 лѣтъ, какъ мой отецъ пытается сварить и съѣсть меня. Ты—великій богатырь, помоги мнѣ сварить и съѣсть его самого!» Вдругъ выходитъ Талай-Ханъ и бросается на нихъ съ намѣреніемъ убить и сожрать ихъ; но они одолѣли, связали и сварили его. Когда Канъ-Миргенъ вернулся къ своимъ названнымъ братьямъ, всѣ они сѣли на коней и поѣхали къ Изитъ-Хану, отцу Черной Лисицы. Пріѣхавъ, они сошли съ лошадей, вошли къ Изитъ-Хану и спросили у него о дочери. Старикъ сказалъ, что онъ самъ ей не радъ и отъ всего сердца желалъ бы ея погибели. Онъ сказалъ имъ, что дочь только-что ушла отъ него и показалъ ея свѣжіе слѣды. Три богатыря, вскочивъ на коней, пустились преслѣдовать Черную Лисицу, ѣхали они—ѣхали и пріѣхали въ степь, среди которой стоялъ огромный сарай. Они видѣли, какъ Черная Лисица вбѣжала въ этотъ сарай, и послѣдовали за нею, но здѣсь было такъ темно, что они заблудились всѣ трое. Канна-Каласъ посовѣтовалъ обнажить мечи, Канъ-Миргенъ вынулъ изъ ноженъ свой мечь, и при сіяніи его, богатыри увидѣли слѣды лисицы, потомъ вынулъ свой мечь Комдей, и при усилившемся свѣтѣ имъ легко было идти по слѣдамъ. Но вдругъ Канна-Каласъ, соскочивъ съ коня, наткнулся на мечь Канъ-Миргена и умеръ. Оба названные брата плакали надъ нимъ 3 дня и 3 ночи, а между тѣмъ кони ихъ исчезли и только конь Канна-Каласа стоялъ у его тѣла. Богатыри пошли отыскивать своихъ лошадей по разнымъ направленіямъ, но заблудились и истомленные голодомъ, упали на землю. Когда они очнулись, сарая уже не было, и они лежали подъ открытымъ небомъ. Вдругъ къ нимъ является ожившій Канна-Каласъ, ведетъ ихъ лошадей и Черную Лисицу, привязанную на веревкѣ. Всѣ трое начали бить лисицу бичами и застегали ее до смерти. Тогда они отправились на землю, гдѣ ихъ снова встрѣтилъ старикъ съ 7 собаками. Богатыри повалились въ ноги ему, спрашивая, что онъ за человѣкъ. Старикъ отвѣчалъ: «Богъ назначилъ мнѣ ходить и на землѣ и подъ землей, давъ мнѣ силу утѣшать несчастныхъ и причинять горе счастливымъ. Меня зовутъ Когель-Ханъ, я шаманъ, я знаю будущее, знаю прошедшее, знаю и все, что теперь дѣлается на землѣ».—«Скажи же намъ, говоритъ Канна-Каласъ, что дѣлается у насъ на родинѣ, а если не скажешь правды, то мы отрубимъ тебѣ голову». Старикъ надѣлъ шаманское платье, началъ шаманить, потомъ разсказалъ имъ, что дѣлается у нихъ дома. «Ты, сказалъ онъ Комдей-Миргену, выдай свою сестру за Канна-Каласа, а самъ женись на сестрѣ Канъ-Миргена, Канарко». Сказавъ это, старикъ сѣлъ на коня и уѣхалъ, а 3 богатыря отправились къ Канъ-Миргену и пировали здѣсь нѣсколько дней. Канна-Каласъ женился на Кубайко, Комдей на Канарко, а Канъ-Миргенъ остался одинъ жить въ шалашѣ. Съ тѣхъ поръ они жили въ мирѣ и покоѣ, и ни болѣзнь, ни смерть не имѣли силы надъ ними.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Почему выпадаетъ такъ много дождя въ нынѣшнемъ году?

(Изъ ст. французскаго астронома **Камила Фламаріона**.)

Болѣе полугода этотъ вопросъ задаетъ себѣ каждый и ждетъ отъ астрономовъ отвѣта на него. Въ самомъ дѣлѣ, уже прошлое лѣто было обильно дождями. Всѣ надѣялись, что осень будетъ сухая и солнечная, но дождь продолжалъ идти. Зима была продолжительная и снѣжная во всей Европѣ. Надежды обратились на весну и всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать равноденствія 21 (9) марта. Наступило равноденствіе; но холодъ, сырость и дождь продолжали господствовать; въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ почти не видно было солнца. Почки, листья и цвѣтъ на деревьяхъ запоздали почти на цѣлый мѣсяцъ. Ежегодно я тщательно наблюдаю за каштанами, ивами, тополями и сиренями, ростущими на моихъ глазахъ подлѣ «Обсерваторіи»; каштанъ, покрывавшійся листьями обыкновенно 24 марта, въ этомъ году покрылся ими только 14 апрѣля; тотъ, который цвѣлъ уже 20 апрѣля, теперь зацвѣлъ 19 мая; нѣкоторые каштаны зацвѣли лишь 10 іюня. Тоже случилось и съ другими деревьями. Оптимисты увѣренно расчитывали, что въ іюнѣ настанетъ хорошая погода. Но наступило время самыхъ долгихъ дней въ году, а солнце по прежнему заволакивали тучи. Засвѣтитъ случайно солнце, смотришь на другой день опять льетъ дождь.

Для объясненія этихъ аномалій, болѣе или менѣе непріятныхъ и, во всякомъ случаѣ, пагубныхъ для жатвы и для здоровья, публика обращается къ астрономамъ, неправильно считая, что астрономія и метеорологія одна и таже наука. Это большая ошибка. Астрономія одна изъ наиболѣе точныхъ, имѣющихъ твердое основаніе наукъ, тогда какъ метеорологія находится еще въ зачаточномъ состояніи. Астрономическія наблюденія производятся не менѣе 4,000 лѣтъ; метеорологія же возникла только въ нынѣшнемъ столѣтіи, число ея наблюденій слишкомъ ограничено, а точные выводы, въ большинствѣ случаевъ, еще невозможны.

Несомнѣнно, что атмосферическія явленія обусловливаются дѣйствіемъ опредѣленныхъ силъ, точно такъ же, какъ и факты астрономическіе, и что движеніе снѣжинки, капли воды, пылинки управляется такими же законами, какъ и движеніе планетъ въ міровомъ пространствѣ. Только здѣсь больше мѣстныхъ вліяній, больше кажущихся усложненій, чѣмъ въ движеніи небесныхъ свѣтилъ.

Предвидѣніе метеорологическихъ фактовъ далеко не такъ возможно, какъ предвидѣніе астрономическихъ. Спросите у астронома, сколько затмѣній будетъ до конца настоящаго столѣтія, сколько втеченіи будущихъ 100, 500, 1000 лѣтъ; въ какіе дни, часы и минуты произойдутъ они—

онъ вамъ отвѣтитъ точно. Спросите метеоролога, какая погода будетъ завтра, онъ не въ состояніи дать вамъ положительный отвѣтъ.

Признавая несостоятельность метеорологіи, какъ же я рѣшился поставить вопросъ, обозначенный въ заглавіи этой замѣтки. Я только рѣшаюсь положить начало отвѣта, конецъ котораго послѣдуетъ, вѣроятно, въ будущемъ столѣтіи, едва-ли ранѣе. Но всякое дѣло должно имѣть свое начало.

Еслибы дождь шелъ только въ Парижѣ, во Франціи, наконецъ, въ Европѣ, вопросъ заключался бы въ предѣлахъ метеорологіи и на него было бы трудно дать категорическій отвѣтъ. Конечно, все свалили бы на воздушныя теченія: дождь идетъ потому, что господствуетъ сырой вѣтеръ. Но дождь идетъ вездѣ. Вотъ уже почти годъ надъ всей нашей планетой нависли тучи. Зима была продолжительна и сурова какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, въ Африкѣ и Америкѣ. Весны нигдѣ не было; настало лѣто и дождь безпрерывно идетъ и въ Европѣ, и въ Соединенныхъ штатахъ. Такое состояніе погоды должно находиться въ зависимости отъ общей причины, слѣдовательно вопросъ становится астрономическимъ.

Подъ вліяніемъ какой планеты мы находимся? —Солнца.—Отъ чего зависитъ температура земной атмосферы, климатъ и времена года?—Отъ солнца.—Не находится-ли солнце, въ послѣдній годъ, въ состояніи, отличномъ отъ его нормальнаго состоянія?—Да, находится. Уже почти годъ, какъ солнце находится въ состояніи чрезвычайно рѣдкаго покоя. Въ настоящій моментъ не замѣчается на немъ ни пятенъ *), ни изверженій. Оно представляетъ собою океанъ свѣта, безъ бурь и движенія, столь свойственныхъ его нормальному состоянію.

Вотъ фактъ. Нынѣшній холодный, дождливый годъ совпадаетъ съ эпохой рѣдкаго спокойствія на солнцѣ. Не кроется-ли здѣсь случайнаго соотношенія? Можетъ быть. Въ будущемъ, когда соберется достаточное количество наблюденій, можно будетъ отвѣтить категорически на этотъ вопросъ.

Любопытно, что дѣятельность солнца, выражающаяся пятнами и взрывами, происходитъ періодически. Въ 1870 и 1871 годахъ было насчитано 300 пятенъ; я измѣрялъ тогда одно изъ нихъ, въ 3 раза большее, чѣмъ наша планета. Съ этой эпохи число пятенъ и изверженій на солнцѣ правильно уменьшалось изъ года въ годъ. Замѣчено, что года 1870 и 1871 были жаркіе и сухіе. Послѣдній минимумъ солнечныхъ пятенъ, предшествующій настоящему минимуму, былъ въ 1866 и 1867 годахъ. Вѣроятно, многіе припомнятъ, что эти года были дождливые, въ особенности первый. Предшествующій максимумъ пятенъ былъ въ 1859 и 1860 годахъ; погода въ это время стояла сухая и теплая.

Слѣдуетъ остановить свое вниманіе на этихъ фактахъ: годы максимумовъ солнечныхъ пятенъ бываютъ годами теплыми и сухими; въ года же минимумовъ солнечныхъ пятенъ погода стоитъ болѣе холодная и дождливая. Вѣроятность соотношенія между количествомъ солнечныхъ пятенъ и состояніемъ погоды на нашей планетѣ, повидимому, существуетъ. Но дѣйствительно-ли это такъ или же это только простая случайность, что одно съ другимъ совпадаетъ, мы не можемъ сказать категорически. Но у насъ имѣется чрезвычайно интересный предметъ для изученія и дальнѣйшія наблюденія помогутъ отвѣтить безошибочно на занимающій насъ вопросъ.

Что не подлежитъ сомнѣнію—это періодичность солнечной дѣятельности и зависимость отъ нея сѣверныхъ сіяній и земного магнетизма. Число сѣверныхъ сіяній, видимыхъ ежегодно, находится въ соотношеніи съ числомъ солнечныхъ пятенъ; тоже можно сказать и относительно суточныхъ колебаній магнитной стрѣлки. Ничего не будетъ удивительнаго, если выяснится, что состояніе погоды на нашей планетѣ находится въ извѣстномъ отношеніи съ различными измѣненіями въ физическомъ состояніи солнца.

Но является новый вопросъ, какимъ же образомъ ослабленіе солнечной дѣятельности можетъ производить дождь, т. е. способствовать сгущенію облаковъ? Объясненіе этого явленія найдти будетъ не трудно. Но нужно прежде доказать, что причина или одна изъ причинъ фактовъ, подлежащихъ объясненію, заключается именно въ солнцѣ. Не надо забывать, что зависимость состоянія погоды на нашей планетѣ отъ максимума и минимума солнечныхъ пятенъ до сихъ поръ не болѣе, какъ гипотеза.

Отвѣтъ можетъ быть только чисто научный и, конечно, онъ въ настоящее время несравненно меньше удовлетворитъ массу публики, жаждущей немедленнаго и категорическаго отвѣта, чѣмъ простыя на видъ объясненія погоды по фазамъ луны, преподносимыя ей календарями. Успѣхомъ своимъ, постоянно возрастающимъ, начиная съ 1836 года, календари обязаны болѣе всего помѣщаемымъ въ нихъ «предсказаніямъ погоды». Предсказанія эти большею частію не исполняются, но публика продолжаетъ обращаться къ нимъ и вѣритъ имъ. Изо ста одно исполнившееся предсказаніе запечатлѣвается въ памяти публики, которая тотчасъ же забываетъ, что 99 не исполнились.

Въ прежнее время однимъ изъ главныхъ доходовъ берлинской академіи была распродажа ею своего календаря. Стыдясь, что въ изданіи академіи помѣщается отдѣлъ «предсказаній», не основанныхъ ни на какихъ научныхъ данныхъ, одинъ изъ ученыхъ предложилъ исключить изъ календаря отдѣлъ такихъ «предсказаній», замѣнивъ его сообщеніемъ научныхъ свѣдѣній, полезныхъ и необходимыхъ публикѣ. Академія такъ и сдѣлала. И чтоже? Распродажа календаря тотчасъ же значительно ослабѣла и академія потеряла постоянный вѣрный доходъ. Опасаясь дальнѣйшаго возростанія дефицита, академія возвратилась къ прежнему составу своего календаря.

Пора бы наконецъ давать публикѣ научныя положительныя свѣдѣнія вмѣсто нелѣпыхъ предсказаній, которымъ сами авторы разумѣется не вѣрятъ. Впрочемъ, уже замѣчается поворотъ къ лучшему; это доказывается возрастающимъ успѣхомъ астрономическихъ популярныхъ изданій.

*) Солнечныя пятна—газообразныя массы, до такой степени раскаленныя, что они уже не даютъ свѣта.

При осадѣ Никшича.

(Ст. др-а **А. В. Щербакъ.**)

(*Продолженіе.*)

аступило 25 августа. На всѣхъ позиціяхъ кругомъ Никшича царила мертвая тишина. Часа за два до полудня, я получилъ приказаніе отъ князя устроить перевязочный пунктъ на Требежской Главицѣ, въ огромной пещерѣ, позади батареи. Его свѣтлость со штабомъ расположился возлѣ кучи Махмуда *), откуда было всего удобнѣе наблюдать за ходомъ дѣла.

Отправивъ впередъ герцеговинскую команду въ обходъ батареи, я присоединился къ Врбицѣ, который въ надеждѣ на строгое соблюденіе, со стороны непріятеля, еще не окончившагося перемирія, избралъ кратчайшій путь на Требежскую Главицу, въ полуружейномъ разстояніи отъ турецкихъ построекъ, на окраинѣ города.

*) Такъ назывались развалины дома извѣстнаго никшичскаго юнака.

Было уже 12 часовъ, когда мы забрались на батарею. Въ этотъ день расположеніе черногорскихъ орудій было тоже, что и вчера, кромѣ двухъ девятифунтовокъ Гейслера, перевезенныхъ съ большаго Умака на Црной-валъ.

Въ началѣ перваго часа раздались три условныхъ холостыхъ выстрѣла съ Качанскихъ Главицъ. На эти выстрѣлы турки не выкинули бѣлаго флага, а отвѣтили залпомъ изъ четырехъ орудій, по направленію къ Требежкѣ. Черногорцы въ свою очередь открыли огонь почти разомъ со всѣхъ батарей — и канонада началась.

Выполненіе програмы артилерійскаго дѣла было распредѣлено между тремя частями: черногорцы стрѣляли по городскимъ строеніямъ, Циклинскій выбралъ цѣлью башню крѣпости и брустверы шанцевъ Хасанджидина Гроба, а Гейслеръ принялъ на себя демонтировку орудій цитадели (дист. 750 саж.). Не прошло и часу, какъ одно изъ непріятельскихъ орудій, будучи подбито, смолкло. Вслѣдъ затѣмъ, на крѣпости показался громадный снопъ огня и дыма, граната изъ девятифунтоваго орудія взорвала запасъ пороха и снарядовъ въ непріятельскомъ блиндажѣ... Второе орудіе въ крѣпости тоже замолкло, но не надолго. Со всѣхъ сторонъ черногорцы кричали Гейслеру: «Живіо!.. Ура!..»

Слава дня безспорно осталась за нимъ *).

Къ вечеру постепенно водворилась тишина. Сидя въ пещерѣ, въ ожиданіи раненыхъ, мы были вполнѣ защищены отъ непріятельскихъ снарядовъ, которые, перелетая черезъ батарею, ударялись въ толстую, передовую ея стѣну. Только двѣ шальныя пули шлепнулись въ разложенный у входа костеръ. Былъ 11-й часъ ночи. Вдругъ по всей черногорской линіи замелькали огоньки. Въ нѣсколько минутъ перерывистый ружейный огонь слился въ батальный. Грянули орудія и долина огласилась громкими кликами черногорцевъ.

Начались атаки — Петровскихъ Главицъ, со стороны Требежки: 600 черногорцевъ, подъ начальствомъ Врбицы, и Хасанджидина Гроба, со стороны Драговой Луки: 300 черногорцевъ, подъ предводительствомъ Пламенаца. Атакующіе сначала было пустили въ дѣло заготовленные монтилеты, но весьма скоро убѣдившись въ неудобствѣ этого изобрѣтенія, они немедленно кинули ихъ и бросились въ ятаганы. Хасанджидинъ Гробъ былъ быстро занятъ, съ потерею только 4 человѣкъ ранеными, а непріятель, въ числѣ 40 человѣкъ, тотчасъ же скрылся въ городъ; но за то на Петровскихъ Главицахъ турки сопротивлялись отчаянно, уступая только шанецъ за шанцемъ, пока ихъ совсѣмъ не выбили съ холмовъ. Черногорцы лишились при этомъ 7 человѣкъ убитыми и 19 ранеными. У непріятеля, котораго численность не превышала 150 человѣкъ, оказалось 35 убитыхъ. Одинъ изъ раненыхъ турокъ, захваченный въ плѣнъ, былъ присланъ мнѣ Врбицей съ запиской, въ которой значилось, что плѣнный посылается живымъ. На записку эту я долженъ былъ отвѣчать воеводѣ: дѣйствительно-ли турокъ былъ доставленъ ко мнѣ въ такомъ видѣ. Раненый, хотя и былъ живъ, но ударъ ятаганомъ, раздробившій ему правую теменную кость, далъ ему промучиться лишь нѣсколько часовъ.

Завладѣвъ Петровскими Главицами и Хасанджидинымъ Гробомъ, черногорцы придвинулись къ самому городу. Нѣкоторые даже заняли ближайшіе дома.

Слѣдующій день, 26 августа, начался снова

*) Посланная мною въ этотъ день телеграма въ «Новое Время» не была пропущена въ Цетинѣ, потому что Чутурило находилъ, будто сообщеніе мое о Гейслерѣ умаляетъ значеніе черногорцевъ.— «По вашей депешѣ можно, пожалуй, заключить, что не мы, а вы, русскіе, взяли Никшичъ», объяснялъ онъ мнѣ впослѣдствіи.

въ глубокомъ молчаніи: съ обѣихъ сторонъ ни одного выстрѣла. Мѣсто для перевязочнаго пункта мы заняли возлѣ Чаджалицы. Въ 5 часовъ пополудни, артилерія открыла огонь по редуту Дзинковацъ; съ наступленіемъ темноты послѣдовалъ короткій перерывъ въ стрѣльбѣ, но черезъ нѣсколько времени огонь былъ снова открытъ. По направленію къ Дзинковацу быстро забѣгали на черномъ фонѣ наступившей ночи тысячи ружейныхъ огоньковъ все ближе и ближе къ редуту. Въ этотъ моментъ, совершенно неожиданно для непріятеля, со стороны Студенитскихъ Главицъ, раздались дикіе крики черногорцевъ. Не давъ опомниться изумленнымъ туркамъ, не разсчитывавшимъ на нападеніе съ этой стороны, черногорцы почти безъ боя захватили всѣ передовыя крѣпостныя укрѣпленія съ южной стороны, а именно: Круглый шанецъ, Шайтонъ и остальные. Непріятель едва спасся въ крѣпость.

Движеніе на Дзинковацъ и Здомира, было только демонстраціей, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля.

27 августа положеніе никшичанъ представлялось до послѣдней степени критическимъ. Изъ укрѣпленій у нихъ остались только крѣпость и редутъ Дзинковацъ. Домà на окраинѣ города совершенно опустѣли, — всякій, кто только могъ перебрался въ ближайшій къ крѣпости кварталъ. По диспозиціи, составленной княземъ еще 25-го числа, черногорцы въ этотъ день должны были взять штурмомъ оставшіяся укрѣпленія, крѣпость и редутъ. Потери предвидѣлись большія, но князь повидимому рѣшился во что бы то ни стало исполнить данное имъ слово турецкимъ парламентерамъ, при послѣднихъ переговорахъ о сдачѣ Никшича. Штурмъ конечно былъ съ руки черногорцамъ: воодушевленные успѣхами предшествовавшихъ дней, они ждали его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Было 11 часовъ утра. Всюду на позиціяхъ царило полнѣйшее безмолвіе. Ладьеобразный конь мусульманской Трои былъ приведенъ въ надлежащее положеніе, чтобы быть готовымъ по условному трубному сигналу двинуться къ грозной Никшичской крѣпости. Вдругъ среди тишины раздается сначала смутный, неопредѣленный шумъ; съ минуты на минуту шумъ этотъ усиливается и переходитъ наконецъ въ громкій гулъ тысячи голосовъ: «Никшичъ допади!.. Живіо!..

Надъ турецкой цитаделью взвился бѣлый флагъ!.. Никшичъ сдается!..

Изъ квартала близь крѣпости, къ выходу изъ города, потянулась небольшая группа людей съ бѣлымъ значкомъ и съ комендантомъ во главѣ. Въ это время князь находился у кучи Махмуда, ему немедленно дали знать о приближающейся депутаціи. Переодѣвшись въ блестящій, украшенный звѣздами костюмъ, князь съ гордымъ и самодовольнымъ лицомъ сталъ ожидать прибытія депутатовъ. Наконецъ они явились. Первымъ приблизился комендантъ крѣпости Искандеръ-Бекъ Миролай. Отдавъ честь по военному, онъ заявилъ князю, что не имѣя возможности долѣе держаться и не желая безплодно губить людей, онъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ горожанъ, рѣшили сдать крѣпость и городъ въ полное распоряженіе его свѣтлости, питая при этомъ надежду, что высокій побѣдитель великодушно дозволитъ низаму вернуться домой съ оружіемъ. Милостиво изъявивъ на это свое согласіе, князь, обращаясь къ депутатамъ, сказалъ, что предоставляетъ жителямъ полную свободу остаться въ городѣ или уйдти изъ предѣловъ Черногоріи, при чемъ имъ дозволяется забрать все ихъ движимое имущество. Отвѣтивъ на слова князя низкими поклонами, депутаты молча вернулись въ Никшичъ, князь же приказалъ привести съ позицій два черногорскіе батальона: одинъ изъ нихъ, съ Пламенацемъ во главѣ, долженъ былъ, войдя въ городъ, занять крѣ-

СЪ КАРТИНЫ В. ЭТТА.

АМУРЪ И ПСИХЕЯ.

пость; другой — оцѣпить по окраинамъ Никшичъ во избѣжаніе могущихъ быть попытокъ грабежа

Батальоны прибыли къ Махмудовой кучѣ и выстроились въ два ряда по обѣимъ сторонамъ дороги, что вела въ городъ. За цетинско-негушскимъ батальономъ, остававшимся въ лагерѣ, на Горнемъ полѣ, было послано еще раньше. Князь со всей свитой, верхомъ, окруженный перениками, съ разноцвѣтными значками, воткнутыми въ ружья, расположился нѣсколько въ сторонѣ; небольшая группа музыкантовъ устроилась неподалеку. Въ такомъ порядкѣ всѣ ожидали выступленія турецкаго войска изъ Никшича. Наконецъ показались синіе мундиры съ ружьями. Это были низамы, числомъ около 500 человѣкъ, впереди которыхъ ѣхалъ комендантъ. За ними тянулась длинная вереница горожанъ съ мулами и лошадьми, навьюченными разнымъ домашнимъ имуществомъ, въ сопровожденіи множества женщинъ, закутанныхъ въ бѣлыя чадры и съ цѣлою толпою маленькихъ дѣтей.

Лишь только низамы приблизились къ князю, комендантъ сошелъ съ лошади и присоединился къ свитѣ его свѣтлости; турецкіе солдаты же, взявъ ружья на караулъ, медленнымъ шагомъ прошли мимо побѣдителя, а затѣмъ князь потребовалъ себѣ мѣшокъ съ серебряными деньгами и сталъ весьма щедро одѣлять ими женщинъ и дѣтей. Когда все было роздано, Пламенацъ, по приказанію князя, двинулся съ батальонами въ городъ; за ними послѣдовали музыканты и наконецъ его свѣтлость, окруженный со всѣхъ сторонъ свитой. Подоспѣвшій къ этому времени цетинско-негушскій батальонъ замыкалъ собою шествіе; музыка играла маршъ, восторженные крики «живіо», громко потрясая воздухъ, не умолкали ни на минуту. Всѣ были въ радостно-возбужденномъ настроеніи.

Проѣхавъ съ четверть часа, когда до города оставалось не болѣе версты, князь приказалъ всѣмъ батальонамъ, кромѣ цетинскаго, идти впередъ, а самъ со свитой и съ вышеозначеннымъ батальономъ сдѣлалъ кратковременный привалъ и предложилъ окружавшимъ его кореспондентамъ отправить телеграмы о торжественномъ событіи съ его нарочнымъ, котораго онъ посылаетъ немедленно на станцію, въ Сливну, съ депешей къ княгинѣ. Телеграму эту князь написалъ экспромтомъ и стихами, она гласила слѣдующее:

На биелу оногошту застава се моіа виие
А Пламенац воіевода под ѣим руіно вино пиіе
Око ѣега баріактари загракташе ка' орлови
А Никшиѣи сіетни тужни сад су мени сви робови.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда посланный съ радостными вѣстями скрылся изъ виду, князь подозвалъ меня и выразилъ желаніе, чтобы я со своими герцеговинскими санитарами догналъ бы скорѣе ушедшіе уже батальоны, вошелъ бы съ ними въ городъ и, принявъ на свое попеченіе раненыхъ въ турецкомъ госпиталѣ, привелъ бы въ немъ по возможности все въ порядокъ. Мы отправились, а князь остался со свитой дожидаться пока черногорцы займутъ крѣпость.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Иза.

Романъ **А. Бувье.**

(Продолженіе.)

Глава III.

Похожденія Шади.

Женщины, въ родѣ Изы, пользуются въ Парижѣ тою привилегіей, что газеты стараются сообщать малѣйшія подробности изъ ихъ жизни. Однакожь, когда день продажи имущества прелестной молдаванки былъ назначенъ, газеты измѣнили своему обычаю и не промолвились ни словомъ, хотя это имущество было такого сорта, что о немъ стоило упомянуть. Правда, мебель не отличалась изяществомъ и художественностью

стиля, но за то она была очень роскошна. Между картинами, преимущественно молодыхъ художниковъ, было нѣсколько замѣчательныхъ произведеній.

Съ той поры, какъ было вывѣшено объявленіе объ этой продажѣ, агентъ Гюре избралъ мѣстомъ своихъ, почти непрерывныхъ, прогулокъ окрестности дома Изы; его сильно заинтриговали частыя посѣщенія дома бывшей горничной графини Зинтской. Каждый разъ, когда Жюстина входила въ комнаты, гдѣ было выставлено имущество, назначенное въ продажу, Гюре слѣдовалъ за нею, но не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Горничная занималась приведеніемъ въ порядокъ предметовъ туалета и только.

Выставка продаваемыхъ вещей продолжалась два дня. Гюре очень тщательно осмотрѣлъ всѣ вещи, употребивъ для этого осмотра по крайней мѣрѣ четыре часа. Опытный взглядъ его и тутъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Все было роскошное, дорогое, но мало вкуса, однимъ словомъ, все, что можно встрѣтить у модной куртизанки.

Въ день самой продажи Гюре забрался спозаранку и помѣстился какъ разъ подлѣ стола аукціониста, избравъ такое мѣсто, откуда онъ могъ видѣть всю публику. Разумѣется публика интересовала его очень мало, хотя онъ могъ бы услышать не мало любопытныхъ разсказовъ какъ о самой Изѣ, такъ и о нѣкоторыхъ вещахъ, уже не первый разъ выставленныхъ для аукціонной продажи. Вещи эти имѣли свою исторію, переходя изъ рукъ одной куртизанки къ другой. Все вниманіе агента было обращено на горничную Жюстину, которая, войдя въ залу, осмотрѣлась вокругъ себя и направилась къ одному изъ крупныхъ мебельныхъ торговцевъ, съ которымъ стала разговаривать вполголоса. Гюре одолѣвало любопытство узнать, о чемъ они говорили между собою. Вотъ они ушли въ сосѣднюю комнату. Гюре очень хотѣлось послѣдовать за ними, но толпа была такъ густа, что не было возможности тронуться съ мѣста и Гюре остался на своемъ наблюдательномъ посту. Вскорѣ Жюстина съ ея спутникомъ вернулись и сѣли какъ разъ напротивъ Гюре на другомъ концѣ залы.

Жюстина замѣтила въ свою очередь, что она служитъ предметомъ вниманія странной личности, общественное положеніе которой она опредѣлить не могла. Привратница еще ранѣе указала ей на Гюре, котораго приняла за страстнаго любителя аукціоновъ и барышника, потому что онъ очень внимательно осматривалъ каждую вещь. Горничная безпрестанно посматривала на Гюре, но ничего, кромѣ воинственной физіономіи, усмотрѣть не могла.

Когда аукціонистъ и его помощники заняли свои мѣста и продажа готова была начаться, въ толпѣ произошло движеніе и раздались весьма нелестныя восклицанія. Какой-то молодой человѣкъ, не обращая вниманія на сыпавшіяся противъ него проклятія, старательно работалъ локтями, проталкиваясь впередъ.

— Извините! Позвольте! Прошу прощенія, я, кажется, толкнулъ васъ сударыня! говорилъ онъ, пробираясь все дальше и дальше.

Наконецъ, онъ замѣтилъ Гюре, взобравшагося на табуретку и дѣлавшаго ему знаки. Молодой человѣкъ присоединился къ нему.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ. — Большого труда мнѣ стоило пробраться; на лѣстницѣ почти столько же народу, сколько и здѣсь.

— Вы нѣсколько запоздали.

— Развѣ уже началось? Не напортилъ-ли я вамъ своимъ позднимъ прибытіемъ?

— Нѣтъ. Но какъ это вамъ удалось пробраться?

— О, это пустяки. Правда, меня ругнули порядкомъ, но меня позабавило ихъ бѣшенство; купчины почти всегда болѣе смѣшны, чѣмъ грозны, когда злятся... Что я долженъ дѣлать?

— Еще не знаю. Можетъ быть, вамъ придется послѣдовать за кѣмъ-нибудь, если обстоятельства заставятъ меня оставаться до конца аукціона.

— Значитъ предстоитъ новая работа моимъ локтямъ, сказалъ Шади;—отлично, я посмотрю еще разъ, какъ злятся лавочники.

— Встаньте передо мной, сказалъ Гюре, уступая ему свое мѣсто;—изъ-за васъ мнѣ легче наблюдать, а меня никто не будетъ видѣть.

— Можно мнѣ будетъ что-нибудь купить... я обѣщалъ Денизѣ, что если увижу шелковое платье по сходной цѣнѣ, я непремѣнно куплю его. Она увѣряла меня, что на продажахъ имущества этихъ дамъ, ихъ туалетъ идетъ за ничто и платье можно купить совсѣмъ новое.

Продажа началась. Каждый разъ, какъ объявлялось о продажѣ платья или какого-нибудь другого предмета женскаго туалета, Шади надбавлялъ цѣну, но, къ его удивленію и досадѣ, каждый разъ вещь оставалась за кѣмъ-нибудь изъ торговцевъ или торговокъ, которые смѣялись отъ души, видя негодованіе молодого человѣка. Шади не зналъ, что между торговцами существуетъ стачка и они не допустятъ его сдѣлать покупку. Гюре обвелъ глазами торговокъ и, замѣтивъ одну изъ нихъ, которую ему какъ-то пришлось арестовать за неблаговидный поступокъ, поманилъ ее къ себѣ.

— Г-жа Тибо, сказалъ онъ ей,— окажите мнѣ любезность, купите одно изъ платьевъ и уступите его моему молодому другу.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе.

— Это, это! вскричалъ Шади, указывая на шелковое платье яркаго цвѣта, сильно декольтированное.—Оно должно понравиться м-ль Денизѣ.

— Молчите, сказалъ агентъ, — она знаетъ свое дѣло.

Аукціонная цѣна платью была назначена 15 франковъ; оно осталось за торговкой за 16. Шади расчитывалъ, что ему придется заплатить отъ 30 до 40 франковъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Гюре и торговку.

— Во всемъ трбуется своя снаровка, сказала г-жа Тибо, передавая ему платье.

— Вы получили свое, сказалъ ему вполголоса Гюре,—будемъ же думать теперь только о дѣлѣ, которое привело насъ сюда.

Агентъ замѣтилъ, что горничная живо говоритъ что-то торговцу и указываетъ ему на извѣстное уже намъ прелестное маленькое бюро, на которое долженъ былъ сейчасъ идти торгъ.

— Откройте его! закричали торговцы.

— Открыть нечѣмъ, ключъ потерянъ, отвѣчалъ аукціонистъ;—но вещь совершенно новая.

Новая, эта вещица должна была стоить 400 франковъ. Уже предложено было за нее 330 франковъ торгѣвцемъ, бесѣдовавшимъ съ Жюстиной.

«Если эта вещь не нужна кому-нибудь во что бы то ни стало, подумалъ Гюре,—за нее болѣе не дадутъ ни сантима. Крупному мебельщику, торгующему ее, она не нужна; не можетъ быть также, чтобы горничная вздумала купить ее для себя. Тутъ кроется что-нибудь».

И, наклонившись къ Шади, онъ сказалъ ему тихо:

— Торгуйтесь.

— 340! закричалъ Шади, подумавъ, ужь не сошелъ-ли съ ума Гюре.—Вы знаете у меня нѣтъ такихъ денегъ, прибавилъ онъ тихо.

— 350! закричалъ торговецъ.

— 400, шепнулъ Гюре.

— 400, повторилъ Шади, покраснѣвшій точно ракъ, потому что взоры всей публики устремились на него.

Жюстина подняла голову, желая посмотрѣть на ретиваго покупателя:

— 420, сказалъ торговецъ.

— 450, отвѣчалъ Шади, уже не ожидая приказа.

— 470...

— 500! кричалъ Шади, прерывая своего конкурента.

— 550! отвѣчалъ купецъ.

Шади хотѣлъ еще поднять цѣну, но его остановилъ Гюре.

— Довольно, я знаю, что мнѣ нужно, сказалъ агентъ.—Не спускайте глазъ съ этой мебели; намъ необходимо узнать, куда ее отвезутъ.

Спорная вещь осталась за мебельнымъ торговцемъ. Въ залѣ водворилась полная тишина и до чуткаго уха Гюре долетѣло восклицаніе Жюстины: «Наконецъ-то!» Вслѣдъ за этимъ горничная ушла изъ залы.

Купленную мебель, очевидно, нельзя было вынести ранѣе окончанія аукціона; купившій ее торговецъ остался въ залѣ; Гюре, разумѣется, не упускалъ его изъ виду.

Шади было очень весело; аукціонъ забавлялъ его. Наконецъ все цѣлое и неиспорченное было продано и приступили къ продажѣ лома и старья. Кромѣ платья Шади купилъ за 4 франка полинявшую вышивку, назначеніе которой было трудно опредѣлить. Но вотъ нѣсколько человѣкъ съ трудомъ приволокли старинное бюро, значительно попорченное и поставили его у двери. Объявленная оцѣнка ему была 10 фр. Покупателей за эту цѣну не оказывалось. Аукціонистъ предложилъ желающему назначить свою цѣну.

Шади осматривалъ всю публику, изумляясь, что не находится покупателя на такую прекрасную мебель. Пока онъ раздумывалъ, какой-то старьевщикъ предложилъ за бюро 3 франка.

— Я даю четыре франка, сказалъ Шади.

Никому не пришло охоты надбавить и бюро осталось за Шади.

— Бюро давно стояло безъ употребленія и ключъ потерянъ, сказалъ аукціонистъ.

— Не правда-ли хорошая покупка? Не дорого? спросилъ Шади, обращаясь къ Гюре; но тотъ не отвѣчалъ ему ни слова, обративъ все свое вниманіе на корзину, которую принесли къ аукціонисту и открыли. Съ нея должна была начаться распродажа погреба.

— Корзина въ 25 бутылокъ шампанскаго, сказалъ аукціонистъ,—но вина только 23 бутылки; двѣ бутылки израсходованы.

Онъ взялъ въ руки одну изъ бутылокъ, вынулъ ее изъ соломеннаго чехла и, посмотрѣвъ, какой марки вино, объявилъ о томъ публикѣ.

— Передайте мнѣ эту булылку, сказалъ Гюре, обращаясь къ Шади, стоявшему ближе къ аукціонисту. Тотъ исполнилъ его желаніе. Осмотрѣвъ бутылку, агентъ шепнулъ Шади:

— Надо купить это вино; торгуйтесь.

— 23 бутылки шампанскаго—100 фр., объявилъ аукціонистъ.

— 110! закричалъ Шади.

Кто-то еще надбавилъ; Шади поднялъ цѣну и вино осталось за нимъ за 120 франковъ. Гюре, вырвавъ листокъ изъ своей записной книжки, написалъ на немъ слѣдующее: «Куплено Гюре, агентомъ сыскной полиціи, который проситъ г. аукціониста засвидѣтельствовать на семъ же, что ящикъ былъ открытъ и изъ него вынуто двѣ бутылки шампанскаго такой-то фирмы». Подписавъ, онъ передалъ записку вмѣстѣ съ деньгами аукціонисту, который не замедлилъ исполнить его желаніе. Пока аукціонистъ писалъ, торгъ на время прекратился.

Торговецъ, за которымъ наблюдалъ Гюре, воспользовавшись этимъ перерывомъ, подозвалъ носильщиковъ и поручилъ имъ снести купленное имъ маленькое бюро-шифоньерку.

— Поскорѣе выходите, Шади, сказалъ агентъ, —и слѣдуйте за купцомъ; узнайте, куда онъ от-

везетъ мебель; это очень важно для нашего дѣла.

Шади повиновался; трудно ему было пробиться сквозь толпу, но онъ достигъ своего: вышелъ на улицу въ тотъ моментъ, когда маленькое бюро ставили въ фіакръ. Купецъ сѣлъ въ тотъ же фіакръ. Мебель была легкая и хрупкая и потому торговецъ велѣлъ извощику ѣхать какъ можно тише.

«Отлично! подумалъ Шади,—я поспѣю за ними пѣшкомъ».

Черезъ десять минутъ экипажъ остановился передъ лавкой мебельщика и обойщика въ улицѣ Сен-Гоноре.

«Стоило брать экипажъ! подумалъ Шади.— Видно у него деньги шальные. На такое разстояніе могъ бы приволочь эту легкую мебель и на своихъ плечахъ».

Пожавъ презрительно плечами, Шади спрятался въ подъѣздѣ изъ опасенія, что торговецъ навѣрное узнаетъ его, какъ своего конкурента на аукціонѣ. Онъ видѣлъ, что торговецъ очень осторожно перенесъ восхитительное бюро и поставилъ его на самомъ видномъ мѣстѣ, на выставкѣ, въ своей лавкѣ. Сдѣлавъ это, онъ посмотрѣлъ на часы и вошелъ внутрь лавки.

Шади порѣшилъ, что ему пора возвратиться къ Гюре; онъ зналъ все, что нужно было знать.

— Навѣрное этотъ купчина, говорилъ Шади вслухъ, идя въ Фридландскую улицу,—покроетъ лакомъ эту маленькую вещицу и продастъ ее за 800 фр. Вотъ какъ составляютъ они капиталы.

Когда Шади вернулся на Фридландскую улицу, Гюре сидѣлъ въ экипажѣ, дожидаясь его. Купленная корзина находилась при немъ. Агентъ предложилъ молодому человѣку ѣхать съ нимъ. Шади попросилъ его пообождать, сбѣгалъ въ залу, съ помощію носильщиковъ вытащилъ свое бюро и предложилъ кучеру поставить его на козлы.

— Эдакую-то махину? Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣчалъ кучеръ.

Шади попытался приподнять свою покупку; она оказалась очень тяжелой; добрый молодецъ даже поблѣднѣлъ отъ натуги.

— А что, г. Гюре, сказалъ онъ, подбѣжавъ къ экипажу,—если въ ящикахъ этого бюро найдутся деньги, я буду имѣть право воспользоваться ими.

Гюре бросилъ разсѣянный взглядъ на бюро и сказалъ:

— Да, да! Я поѣду къ мебельщику и завтра увижусь съ вами у г. Пальяра. Сегодняшній день мы можемъ считать для себя не потеряннымъ.

— Для меня онъ выгоденъ, сказалъ Шади про себя, когда экипажъ удалился, и побѣжалъ отыскивать комиссіонера съ ручной телѣжкой. Потомъ, при помощи его и двухъ прохожихъ, Шади взвалилъ на телѣжку купленное бюро и двинулся въ путь, помогая комиссіонеру везти телѣжку. Кромѣ того Шади несъ въ рукѣ платье и вышивку, купленную имъ на томъ же аукціонѣ. Шествіе остановилось у дома, гдѣ квартировала м-ль Дениза. Большого труда стоило втащить бюро въ квартиру хорошенькой прачки. Окончивъ благополучно это дѣло и отпустивъ комиссіонера, Шади расположился въ креслѣ, отирая платкомъ потъ, струившійся по его лицу. М-ль Денизы не было дома.

«А тамъ навѣрное есть что-нибудь, думалъ Шади;—все время что-то внутри звенѣло. Ну, какъ мы разбогатѣемъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ толчкѣ, внутри бюро раздавался какой-то странный металлическій звукъ.

Наконецъ пришла Дениза; онъ показалъ ей платье; хорошенькая прачка бросилась ему на шею и отъ души его поцѣловала. Нацѣловавшись вдоволь со своей подругой, Шади обратилъ ея вниманіе на бюро.

— Это что такое! вскричала Дениза.—Какая громадина! точно бильярдъ.

— Это большое бюро; я дарю его тебѣ, Дениза, но съ условіемъ, что все, что найдется внутри, принадлежитъ мнѣ.

— Какія же тамъ богатства?

— Ключъ потерянъ; бюро давно не употребляли и на аукціонѣ его не открывали. Но слушай, Дениза, дорогой я нѣсколько разъ прикладывалъ ухо... звенитъ; тамъ что-нибудь есть.

— А! съ изумленіемъ воскликнула Дениза;— что если мы найдемъ тамъ кладъ.

Шади взялъ клещи и, покраснѣвшій отъ волненія, сталъ ломать замокъ; во время его работы слышались явственно звуки.

— Тамъ есть что-то; я слышу! вскричала Дениза.

Шади понатужился, замокъ щелкнулъ и отскочила крышка, обнаруживъ клавиши.

Дениза весело захохотала.

— Что это? фортепьяно, сказалъ потерявшійся Шади.

Шади пріобрѣлъ вмѣсто бюро старинный шпинетъ.

Между тѣмъ агентъ Гюре, нанявшій извощика въ полицейскую префектуру, проѣзжая мимо указанной ему Шади лавки мебельщика и обойщика въ улицѣ Сен-Гоноре, пріостановился тутъ и убѣдился, что маленькое бюро стоитъ на томъ мѣстѣ, куда его поставилъ торговецъ, привезя съ аукціона. «Что побудило его купить эту вещь?» думалъ Гюре. Отвѣтъ былъ прямой, что, вѣроятно, онъ надѣется продать ее съ барышомъ. Но зачѣмъ замѣшалась бывшая горничная Изы? Агенту чуялась тутъ какая-то интрига и у него явилось непреодолимое желаніе разъяснить ее.

Пріѣхавъ въ префектуру Гюре сдалъ купленную корзину и представилъ свидѣтельство, выданное ему аукціонистомъ. Исполнивъ это, онъ отправился въ улицу Сен-Гоноре и вошелъ въ лавку обойщика и мебельщика; бюро стояло на прежнемъ мѣстѣ. Гюре объяснилъ хозяину, что онъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ другомъ перестали на аукціонѣ торговаться на бюро, не желая слишкомъ набивать цѣну.

— За сколько продадите вы мнѣ это бюро, за которое мы съ вами такъ горячо спорили на аукіонѣ? спросилъ онъ.

— Я не могу продать вамъ его, отвѣчалъ купецъ.

— Почему?

— Оно продано.

— Какъ! оно уже продано?

— Особа, знающая эту вещь и желающая пріобрѣсти ее, поручила мнѣ купить ее... я увѣренъ, она не постоитъ за цѣной.

— Досадно, сказалъ агентъ, подозрѣнія котораго еще болѣе усилились;— мнѣ такъ хотѣлось купить эту шифоньерку; она въ томъ же стилѣ, какъ моя мебель, и мнѣ недостаетъ именно такой вещи. Впрочемъ, я полагаю, можно найти подобную.

— И даже дешевле, чѣмъ я заплатилъ на аукціонѣ; я могу доставить вамъ новую, совершенно такую же.

— Объ этомъ я съ вами поговорю впослѣдствіи. До свиданія; надѣюсь вскорѣ увидѣться съ вами.

Гюре вышелъ, провожаемый до дверей торговцемъ. Нечего и говорить, что любопытство его еще болѣе возбудилось. Кому безцѣльно можетъ прійти охота платить за старую вещь большую сумму, чѣмъ стоитъ она новая? Ясно, что здѣсь кроется тайна: необходимо разгадать ее во что бы то ни стало.

Выйдя изъ лавки Гюре помѣстился такъ, чтобы не терять ее изъ виду, чтобы можно было замѣтить каждаго ея посѣтителя, входящаго и выходящаго. Прошло болѣе часа; наступали уже сумерки. Въ это время въ лавку вошла богато-одѣтая дама подъ вуалью, въ сопровожденіи мужчины, лицо котораго было совершенно укутано воротникомъ пальто. Гюре всталъ какъ разъ противъ лавки на противоположной сторонѣ улицы. Дама и мужчина вскорѣ вмѣстѣ съ торговцемъ подошли къ бюро. Лавочникъ о чемъ-то поговорилъ съ ними, записалъ въ свою книжку, вѣроятно адресъ, и получилъ деньги.

«Чортъ возьми! думалъ Гюре. — Кажется купчина посмѣялся надо мной. Онъ сказалъ мнѣ, что бюро продано; между тѣмъ сейчасъ продалъ его этимъ господамъ. Если бы оно было продано заранѣе, покупателямъ не зачѣмъ бы было пріѣзжать сюда; лавочникъ самъ отправилъ бы бюро по адресу. Какая путаница происходитъ здѣсь! Я долженъ непремѣнно разъяснить ее».

Пока Гюре размышлялъ такимъ образомъ, торговецъ проводилъ даму и мужчину до ихъ кареты, стоявшей у подъѣзда. Купецъ отперъ дверцу и, подсаживая даму, сказалъ ей:

— Я не замедлю прислать вамъ. Сейчасъ же я пошлю за телѣжкой... Не опасайтесь, сударыня, продолжалъ онъ, очевидно, отвѣчая на слова дамы, — будутъ приняты всѣ предосторожности. Бюро повезутъ бережно и, ручаюсь, его не перевернутъ.

Купецъ заперъ дверцы кареты и вошелъ въ свою лавку.

«Что все это значитъ? думалъ агентъ, щипля свои усы. — Надъ кѣмъ здѣсь смѣются? Надо разъяснить эту тайну. Очевидно, я напалъ на слѣдъ».

Гюре былъ бы изумленъ еще болѣе, если бы слышалъ разговоръ, происходившій между этими лицами въ лавкѣ. Войдя въ лавку молодая женщина, которой сопровождавшій ее мужчина отворилъ дверь, спросила:

— Это маленькое бюро, которое я вижу здѣсь на выставкѣ нѣсколько дней, новое или досталось вамъ по случаю?

— Оно новое, сударыня. Вы, вѣроятно, изволите говорить объ этомъ бюро-шифоньеркѣ?

Мужчина, сопровождавшій даму, замѣтилъ, что не дурно бы открыть бюро и посмотрѣть, каково оно внутри.

— Не надо, сказала женщина.

— По моему, лучше открыть, отвѣчалъ ея спутникъ;—тогда вы увидите такое-ли оно, какое вы желали имѣть.

— О, я уже достаточно насмотрѣлась на него. А сколько оно стоитъ?

— Восемьсотъ франковъ.

— О! вскричала молодая женщина.—Это слишкомъ дорогой капризъ.

— Развѣ можетъ быть что-нибудь слишкомъ дорогимъ для тебя, мой другъ?

— Вы для меня способны на всякое безуміе. Какъ я жалѣю, что привезла васъ сюда.

— Пошлите это бюро если возможно сейчасъ же, сказалъ молодой человѣкъ купцу.

— О, это не трудно; позвольте только вашъ адресъ.

— Получите деньги и пошлите бюро по слѣдующему адресу: «Графинѣ Изѣ Сеглинъ-Зинтской, на бульварѣ Шальо».

И молодой человѣкъ передалъ купцу билетъ въ тысячу франковъ, съ котораго тотъ далъ сдачи двѣсти франковъ.

— Нельзя-ли поставить бюро на козлы къ нашему кучеру? спросила молодая женщина.

— Зачѣмъ, сударыня; кучеръ, пожалуй, уронитъ его. У меня есть надежный человѣкъ, который доставитъ вамъ его немедленно. Я пошлю его вслѣдъ за вами.

— Буду надѣяться, что вы незамедлите это сдѣлать.

— Будьте покойны, постараюсь исполнить все, какъ слѣдуетъ.

Карета скрылась изъ виду, но Гюре продолжалъ оставаться въ своей засадѣ; вскорѣ подошелъ комиссіонеръ съ ручной телѣжкой; на нее поставили бюро; она тронулась и за нею пошелъ прикащикъ магазина.

«Посмотрю, куда онъ повезетъ бюро», подумалъ агентъ и, въ свою очередь, пошелъ вслѣдъ за телѣжкой.

Черезъ полчаса прикащикъ и комиссіонеръ внесли бюро въ подъѣздъ очень красиваго дома на бульварѣ Шальо.

Когда они вернулись и комиссіонеръ повезъ свою пустую тележку, Гюре подошелъ къ нему и спросилъ:

— Вы вышли изъ этого небольшого, красиваго дома, если я не ошибаюсь?

— Да.

— Я ищу тутъ одинъ домъ и не могу найти его... домъ, принадлежащій нѣкосму Гюре...

— Гюре... Не знаю. Я очень рѣдко бываю въ этой сторонѣ.

— Но мнѣ кажется, что именно этотъ домъ принадлежитъ или принадлежалъ Гюре.

— О, нѣтъ, этотъ домъ принадлежитъ дамѣ, но съ нею живетъ и мужчина.

— А, домъ принадлежитъ дамѣ!

— Да, графинѣ Изѣ Сегинъ-Зинтской.

— Гмъ! прошепталъ агентъ.

— Что вы сказали?

— Ничего... благодарю васъ, пойду искать домъ Гюре.

И, быстро удалившись отъ комиссіонера и нервно сжимая свои пальцы, агентъ проговорилъ вслухъ:

— Ясно, я напалъ на настоящій слѣдъ. А! Иза изволитъ покупать мебель, которую сама же продала. Почему же она не оставила ее у себя? Сперва, вѣроятно, позабыла, а потомъ вспомнила, что тамъ хранится компрометирующая ее переписка. Да, иного ничего не придумаешь. Медлить нечего. Завтра же утромъ схожу къ Вершемону; надо произвести дополнительное дознаніе: зачѣмъ Гударъ ходилъ тогда къ Изѣ? Надо получить разрѣшеніе сдѣлать обыскъ въ этомъ бюро.

Тутъ Гюре вспомнилъ, что онъ ничего не ѣлъ цѣлый день и отправился обѣдать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(Къ роману «Иза». Ч. II. Гл. I. См. № 8 Жив. Об.) Докторъ полагалъ, что это самоубійство.

«**Наша-то уродина!**» Онъ занималъ мѣсто лакея, она — мѣсто горничной. Ни онъ, ни она не были деревенскими простофилями и обломами; они были отшлифованы цивилизаціею столичныхъ переднихъ: онъ зналъ всѣ прелести сидѣнья въ портерныхъ, игры на бильярдѣ въ трактирахъ и вечеринокъ съ игрою въ стуколку и танцами гдѣ-нибудь у содержательницы прачешной или у знакомаго кухмистера; она не только бывала въ галерѣе въ театрѣ, но даже танцовала въ нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ кавалеры угощали ее пивомъ и потомъ за это угощеніе пользовались правомъ «проводить» ее. Онъ не пропускалъ ни одной дѣвчонки, не щипнувъ или не толкнувъ ее подъ бокъ локтемъ, за что иногда его «смазывали», а иногда приглашали «придти опосля»; она въ свою очередь не пропускалась ни молодыми, ни старыми холостыми господами и слугами безъ того, чтобы ее не задѣли, такъ какъ у нея была ужь такая физіономія, созданная для задѣванія со стороны холостежи. И у него, и у нея въ прошломъ было много водевилей, когда они встрѣтились, очутившись на мѣстахъ у однихъ и тѣхъ же господъ; сначала онъ заигрывалъ съ нею, потомъ дѣло стало серьезнѣе; они стали поговаривать о законномъ бракѣ, о снятіи прачешнаго заведенія, объ открытіи кухмистерской; обсуждая свои планы, они всегда кончали однимъ и тѣмъ же: руганью своихъ господъ. Они отлично знали этихъ людей именно съ той стороны, съ которой не знали этихъ людей ихъ друзья и знакомые. Они знали сколько у барина любовницъ, сколько у барыни вставныхъ зубовъ, какъ часто баринъ пріѣзжаетъ домой пьянымъ, какъ барыня бьетъ по щекамъ барина, сколько у нихъ долговъ, какъ ругаютъ они всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, кто и какія взятки приноситъ барину съ чернаго крыльца и т. п. Эти тайны служили неисчерпаемымъ источникомъ для разговоровъ лакея и горничной и влюбленная пара давно бы оставила своихъ ненавистныхъ господъ, если бы ей не хотѣлось скопить еще денегъ хоть на одинъ «билетъ». Въ одинъ прекрасный день они сошлись по обыкновенію вмѣстѣ во время убиранья комнатъ и занялись обычною бесѣдою. Она стирала пыль съ альбомовъ и, раскрывъ одинъ изъ нихъ, пересматривала портреты господскихъ друзей, критикуя каждаго изъ нихъ:

— Хороши гуси! И ужь рожи-же, а туда же нарядились въ пухъ и въ прахъ, да и форсятъ! говорила она.

Онъ хохоталъ отъ ея замѣчаній. Наконецъ дѣло дошло до портрета хозяйки.

— А наша-то, наша-то уродина! Хороша? указала горничная пальцемъ на портретъ госпожи съ злымъ лицомъ. Лакей хохоталъ во все горло. Ни онъ, ни она не слыхали, какъ отворялась дверь, какъ входилъ кто-то въ комнату, какъ приближалась къ нимъ фигура женщины...

— Барыня! вдругъ съ испугомъ крикнула горничная, захлопывая альбомъ.

— Вонъ отъ меня... оба вонъ! съ истерической злобой крикнула барыня.

— Что-жь, сударыня, воля ваша!.. Мы и сами хотѣли, потому тоже не сладко служить Богъ вѣсть кому!

— Вонъ!

— Да вы не кричите, не очень-то тоже страшно!

Влюбленная пара быстро скрылась изъ гостиной. Ея участь была рѣшена.

— Ну, значитъ, кухмистерскую открывать? говорилъ онъ.

— А я все-таки думаю, что прачешное заведеніе лучше, говорила она.

Они порѣшили открыть и то, и другое.

Вотъ содержаніе картинки, помѣщенной на 52-й страницѣ въ настоящемъ нумерѣ.

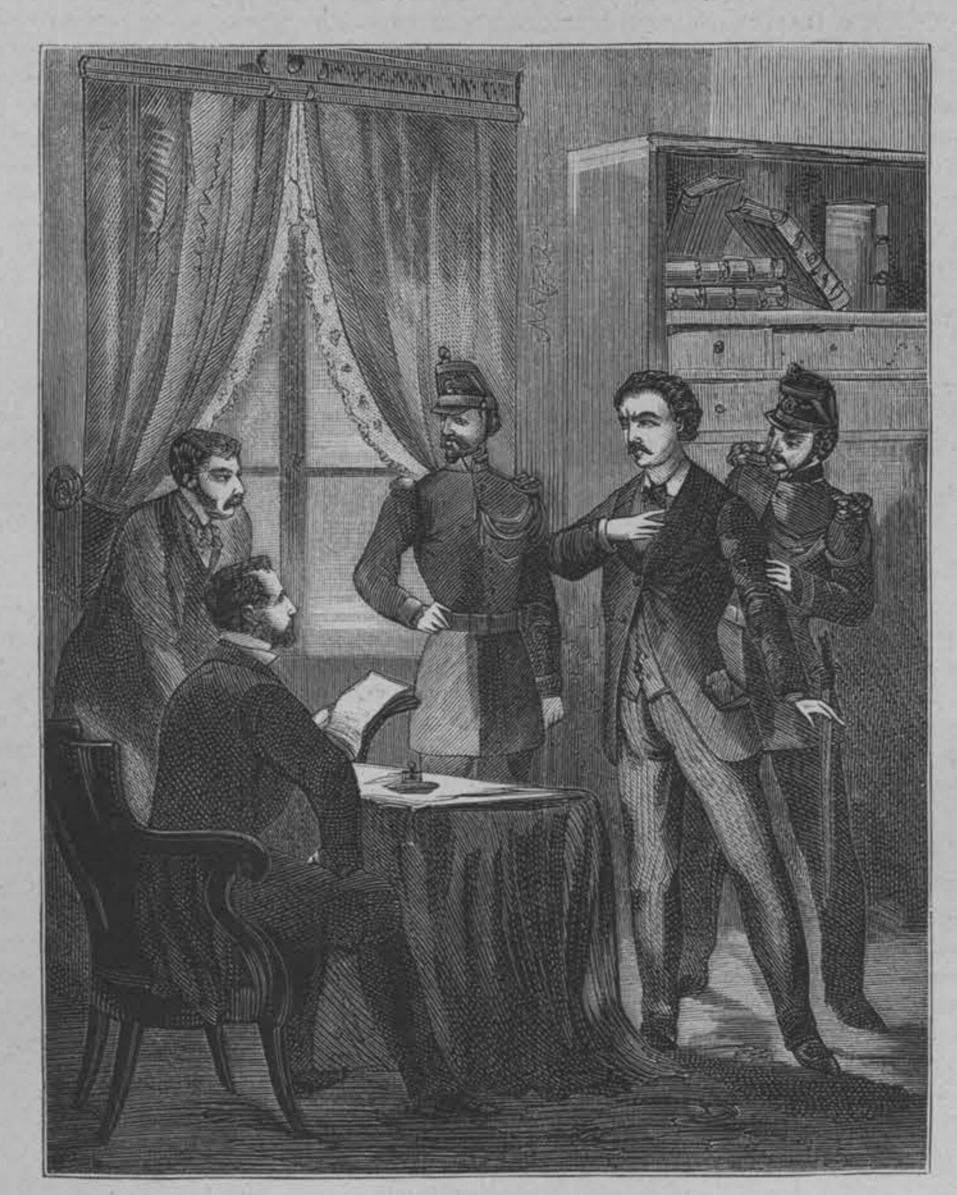
Китайскія непромокаемыя пальто. Въ нынѣшнее дождливое лѣто разные дождевые зонтики, резиновыя пальто, ватерпруфы и тому подобныя принадлежности лѣтняго туалета стали предметами положительно неизбѣжными и, конечно, обременительными для тѣхъ, у кого не особенно много средствъ на эти лишнія части гардероба. Какъ должны завидовать эти небогатые люди той простотѣ туалета, которою отличаются небогатые китайцы: въ Китаѣ есть и свои дождевые зонтики и свои непромокаемыя пальто, но стоятъ эти предметы гроша, такъ какъ они сработаны просто изъ тростника или изъ соломы, сработаны очень удобно и легко дома. Смотря на эти непромокаемыя пальто, нельзя не согласиться, что они не только практичны и дешевы, но даже и красивы, и франтоваты.

Нападеніе враговъ. Читатели наши, конечно, помнятъ помѣщенный нами рисунокъ «Погибшій товарищъ» — прелестную сцену въ лѣсу, въ лунную ночь. Тамъ одинъ звѣрь воетъ надъ трупомъ своего падшаго собрата, оплакиваетъ погибшаго. Какъ бы въ пандантъ къ этой сценѣ является рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Здѣсь несчастный звѣрь спасается отъ нападенія стаи волковъ; онъ и они несутся по холмамъ и утесамъ, поросшимъ лѣсомъ, не разбирая ни преградъ, ни опасностей. Сценка схвачена бойко и живо.

Амуръ и Психея. Вы, конечно, знаете легенду или миѳъ о любви Амура и Психеи. Художникъ Эттъ изобразилъ эту влюбленную пару въ видѣ двухъ прелестныхъ малютокъ, изъ которыхъ одинъ, Амуръ, украшаетъ свою подругу жизни, Психею. Милыя дѣтскія лица, граціозныя фигурки, изящество отдѣлки, вотъ достоинства картинки Этта.

Смѣсь.

— **Героиня** (Разсказъ Ж. Мальяра). Она была очень несчастна. Дочь богатыхъ родителей, она очень рано осталась сиротою и въ 16 лѣтъ сдѣлалась обладательницей довольно большого состоянія. Она была красива, умна, энергична, увлекалась всѣмъ прекраснымъ. Ея опекунъ предлагалъ ей нѣсколько выгодныхъ партій, но она питала ненависть къ браку по разсчету, который казался ей безчестнымъ; она хотѣла любить и быть любимой, а полюбить она могла только человѣка своего закала, т. е. умнаго, честнаго, откровеннаго, добраго. Ей было только 17 лѣтъ, когда съ нею познакомился одинъ аферистъ, человѣкъ безъ сердца, но очень ловкій. Онъ былъ недуренъ собой, большой говорунъ и достаточно искусился въ искуствѣ играть въ любовь. Онъ былъ бѣденъ и говорилъ объ этомъ не краснѣя. Онъ говорилъ съ нею про свое несчастливое дѣтство, про свою молодость, полную разочарованій и страданій, тщательно скрытыхъ и благородно перенесенныхъ; онъ передавалъ ей о своихъ прошлыхъ мечтахъ. Онъ все искалъ и не могъ найти душу, которая бы поняла его. Онъ ни о чемъ не просилъ, ни на что не надѣялся... Однимъ словомъ, это былъ благородный молодой человѣкъ, очень несчастный, но не потерявшій бодрости духа; онъ зналъ, что впереди еще много будетъ испытаній, но онъ надѣялся на свои силы. Онъ искалъ лишь немного симпатіи, взамѣнъ того глубокаго чувства, которое онъ могъ бы дать. Бѣдная дѣвочка приняла все за чистую монету, влюбилась въ него и, въ одинъ прекрасный день, несмотря на увѣщанія окружающихъ, вышла за него замужъ. Нетрудно угадать послѣдствія этого брака. Медовый мѣсяцъ продолжался 3 недѣли; на 4-ю супругъ повелъ свою прежнюю, безшабашную жизнь: началъ кутить, играть, мѣнять любовницъ и, не стѣсняясь, растрачивалъ приданое жены. Много страданій выпало на долю несчастной молодой женщины въ первые 3 года ея брачной жизни! Она была слишкомъ неопытна, чтобы могла бороться противъ своего мужа, да къ тому же она все еще любила его и, вмѣсто того, чтобы осуждать его, только страдала,—страдала такъ, какъ страдаетъ женщина, когда оскорбятъ ее въ ея лучшихъ стремленіяхъ, когда она видитъ, что рушатся всѣ ея надежды, все ея будущее. Она не жаловалась. Да и кому же бы она могла жаловаться! Родные отказались отъ нея, друзей у нея не было. Но, наконецъ, любовь угасла въ ея ожесточившемся сердцѣ. Она заявила мужу, что рѣшилась уйти отъ него. «Когда вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ онъ;— я самъ хотѣлъ предложить вамъ тоже самое; мнѣ надоѣла эта жизнь, я не созданъ для нея, прощайте». И у него не нашлось ни одного слова участія для женщины, которую онъ нравственно убилъ. Вечеромъ, онъ уѣхалъ съ какой-то кокоткой. Что же касается г-жи X., она розыскала кредиторовъ своего мужа, а ихъ было не мало, и заплатила всѣ его, даже карточные, долги. Эти платежи разорили ее; у нея осталось изъ ея приданаго (160,000 фр.) всего 3,000 франковъ. Какъ она жила потомъ, никто не зналъ; встрѣчали ее блѣдную, грустную; бѣдно, но всегда чисто одѣтою. Она была несчастна, но не жаловалась; нѣкоторые изъ ея знакомыхъ (къ числу которыхъ принадлежу и я), знавшихъ ее счастливою, пытались узнать, какъ она живетъ, но многого не узнали. Она занималась шитьемъ— трудъ плохо вознаграждаемый. Зимою иногда видали, какъ она въ сумеркахъ выходила изъ какого-нибудь дешеваго ресторана, и всегда одинокая и грустная. Я видѣлъ, какъ, однажды вечеромъ, она зашла къ булочнику, купила хлѣбецъ и спрятала его подъ шаль. Плохи, должно быть, были ея средства въ тѣ дни. Она прошла мимо и не узнала меня. Я не смѣлъ къ ней подойти. Съ этого времени, въ кружкѣ знавшихъ ее людей, ее стали называть «бѣдная г-жа X.». Когда же говорили объ ея мужѣ... ну, о немъ отзывались не такъ. Въ началѣ зимы 1869 года, она исчезла. Сначала о ней безпокоились, поговорили, потомъ забыли. Въ Парижѣ некогда долго думать о тѣхъ, кого тамъ нѣтъ. Что сталось съ нею? уѣхала-ли она? вернулась-ли въ свою семью? или, можетъ быть, умерла? Никто ничего не зналъ. Развязка ея исторіи очень меня удивила. Вотъ что случилось. Въ сентябрѣ 1870 года, г-жа X. была въ Турѣ; зачѣмъ она туда попала—не знаю. Война была въ полномъ разгарѣ, Парижъ въ осадѣ, Шанзи организовалъ лоарскую армію. Въ одинъ изъ батальоновъ этой арміи поступилъ молоденькій солдатикъ, съ красивымъ женоподобнымъ лицомъ, стройный, замѣчательно энергичный и храбрый. Товарищи прозвали его «маленькій парижанинъ». Юноша дрался какъ левъ; онъ участвовалъ во многихъ схваткахъ и во всѣхъ отличился; только въ немъ замѣтили одну странность: наканунѣ каждой битвы съ мальчуганомъ дѣлался нервный припадокъ, кончавшійся обильными слезами. Надъ нимъ смѣялись. «Солдатъ, а плачетъ! говорили ветераны, пожимая плечами; — и тебѣ не стыдно?» И онъ, плача, отвѣчалъ имъ: — «Не обращайте вниманія, я не могу удержаться, это все нервы, нервы!» И на другой день, несмотря на то, что у мальчугана нервы были слабы, какъ у женщины, онъ дрался лучше другихъ, былъ всегда впереди и никогда не жаловался ни на голодъ, ни на холодъ. Онъ былъ гордостью своего батальона. Во время битвы при Шатоденѣ, мальчугану пулей оцарапало ногу. Онъ перевязалъ рану платкомъ и, немного всхлипывая, продолжалъ драться. При Орлеанѣ осколкомъ гранаты ему ранило лѣвую руку — обливаясь слезами, онъ продолжалъ драться. При Море-Сент-Илерѣ пуля ранила его въ плечо — онъ упалъ, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Его подняли и снесли въ госпиталь. Когда къ мальчугану вернулось сознаніе, онъ ни за что не хотѣлъ позволить дотронуться до себя. Онъ заливался слезами, умоляя оставить его въ покоѣ, говоря, что это пройдетъ и такъ. Этотъ мальчикъ-герой былъ и смѣшенъ, и жалокъ. Несмотря на его просьбы, его начали раздѣвать, чтобъ перевязать рану... вдругъ хирургъ вскрикнулъ: «Это женщина!» Это была г-жа X. Она не умерла; ея рана не была опасна, и она скоро поправилась, но ей не позволили вернуться въ полкъ. Когда генералъ Шанзи узналъ объ этомъ происшествіи, онъ пригласилъ эту женщину-героиню къ себѣ, очень любезно принялъ ее, далъ ей орденъ и выхлопоталъ ей табачный магазинъ, кажется, въ Турѣ или въ Блуа, въ которомъ она торгуетъ и до сихъ поръ. Конечно, она несчастна, ея жизнь разбита, но, по крайней мѣрѣ, она устроилась теперь, насколько это возможно, покойно... Ея мужъ недавно былъ въ Монако, гдѣ велъ большую игру... Откуда у него только берутся деньги!

(Къ роману «Иза». Ч. II. Гл. IV. См. № 12 Жив. Об.). — Я убійца!

— **Е. Е. Крамида.** «Русскія вѣдомости» сообщаютъ, что 20 іюня, послѣ продолжительной болѣзни, скончалась въ Москвѣ Елизавета Евграфовна Крамида. «Она пользовалась извѣстностью не въ одной Москвѣ, но и въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ работы ея обращали на себя общее вниманіе. Ея акварели, скульптурныя издѣлія отличались изяществомъ и вкусомъ. Въ послѣднее время она начала дѣлать искуственные цвѣты. Ея произведенія, сохраняющіяся въ политехническомъ музеѣ, въ строгоновскомъ училищѣ, въ сельскохозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ въ Петербургѣ и въ другихъ учрежденіяхъ, представляютъ точную, живую копію настоящихъ растеній, со всѣми ихъ ботаническими особенностями. Ученыя общества и любители достойно оцѣнили труды ея и награждали ее почетными золотыми и серебряными медалями и лестными отзывами. Ея высочество государыня цесаревна, года два назадъ, наградила Е. Е. Крамиду цѣннымъ подаркомъ — золотою брошью, въ знакъ признательности за усовершенствованіе въ Россіи изготовленія искуственныхъ цвѣтовъ. Е. Е. Крамида придумала, сверхъ того, новые способы окрашиванія листьевъ, которое придаетъ имъ живой, естественный видъ. Она успѣла даже написать цѣлое руководство по этому предмету. Трудъ этотъ остался въ рукописи и особенно цѣненъ тѣмъ, что въ немъ описаны новые способы «оживленія» искуственныхъ растеній, придуманные Е. Е. Крамидою».

— **Крупное пожертвованіе.** Газетѣ «Голосъ» сообщаютъ, что, умершій недавно въ Варшавѣ, одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ Привислинскаго края, нѣкто Конарскій, почти все свое состояніе, около 175,000 р., въ процентныхъ бумагахъ, недвижимомъ имуществѣ и наличныхъ деньгахъ, завѣщалъ на народное образованіе и, преимущественно, на устрой-

ство и основаніе лучшей, образцовой ремесленной школы по ближайшему усмотрѣнію и распоряженію членовъ варшавскаго ремесленнаго комитета. Комитетъ этотъ, по соглашенію съ инспекторомъ училищъ Варшавы, выработалъ слѣдующій проектъ устройства на пожертвованныя деньги ремесленной школы: школа эта будетъ состоять изъ четырехъ классовъ—двухъ приготовительныхъ и двухъ добавочныхъ спеціальныхъ. Число учениковъ въ каждомъ классѣ не должно превышать 60-ти; обученіе въ школѣ для всѣхъ учениковъ безплатное.

— **Мѣсяцъ пожаровъ.** Въ іюнѣ нынѣшняго года въ Россіи было 3,501 пожаръ, которые причинили убытку на 12.064,982 р. Въ томъ числѣ отъ поджоговъ произошло 508 пожаровъ; отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 930, а 1,753 отъ неизвѣстныхъ причинъ. Наиболѣе пострадали губерніи с.-петербургская (убытку 2.024,13 р.), уральская область (1.572,836 р.), оренбургская (924,078 р.), московская (876,237 руб.), самарская (753,963 руб.), саратовская (577,031 р.), курская (377,187 р.), пензенская (330,702 р.), орловская (301,770 р.), симбирская (296,544 р.), тамбовская (295,590 р.), астраханская (257,146 р.) гродненская (243,635 р.), воронежская (233,596 р.), казанская (220,740 руб.), волынская (184,550 руб.), владимірская (130,488 руб.), минская (153,748 руб.), рязанская (164,077 р.), тульская (117,155 р.), тверская (115,612 р.), варшавская (114,481 р.), полтавская (106,760 р.), уфимская (103,682 р.), подольская (103,388 р.), кіевская (102,594 р.); остальныя губерніи — менѣе 100 тысячъ рублей каждая.

— **Феноменальная полнота.** «Саратовскій Листокъ» говоритъ, что въ Саратовѣ показывается весьма рѣдкій феноменъ природы, крестьянская дѣвочка 10 лѣтъ, уроженка тульской губерніи, каширскаго уѣзда, села Большихъ Гродней. Полнота этой малютки поразительная, феноменальная. Вѣсъ ея, какъ поясняютъ афиши, 10 пудовъ 18 фунтовъ. При ней находится родная мать. Эксплуатируетъ же эту необыкновенную толстоту какой-то еврей, уплачивая за это матери 70 рублей въ мѣсяцъ.

— **Ива** (по Буркгардту, ст. Н. Н. Вакуловскаго). Кому не извѣстна ива (Salix L). Между тѣмъ изученіе ивъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ задачъ ботаники, по обилію видовъ ивы, частой перемѣнчивости ихъ формы и частому образованію помѣсей между отдѣльными видами. Одинъ изъ новѣйшихъ ботаниковъ, занимавшихся систематизированіемъ ивъ, Андерсонъ принимаетъ 160 видовъ ивы и подчиняетъ имъ безчисленное множество видоизмѣненій и помѣсей, которымъ другіе ботаники придавали самостоятельныя видовыя названія. Различные виды ивъ встрѣчаются по всему земному шару, отъ полярныхъ странъ до экватора, за исключеніемъ развѣ Австраліи и острововъ Тихаго океана. Величина ивъ весьма различна, отъ мелкаго кустарника до очень высокаго дерева; мелкіе виды ивы, встрѣчающіеся въ полярныхъ странахъ и на глетчерахъ, едва заслуживаютъ названія древесныхъ растеній. Въ Германіи, не считая видоизмѣненій и помѣсей, ростетъ отъ 40 до 45 различныхъ видовъ ивы; изъ нихъ большая часть встрѣчается на югѣ и въ высокихъ Альпахъ, такъ что на долю сѣверной Германіи остается лишь 12 видовъ. Всего больше ива распространена въ приречныхъ низменностяхъ съ текучею питательною водою, особенно если таковая при выступленіи изъ береговъ, оставляетъ илъ. Ива образуетъ обыкновенно кустарную заросль по низменнымъ берегамъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Ивы можно раздѣлить на двѣ группы: культурную, т. е. ивы, разводимыя искуственно, и не культурную. Первыя ивы имѣютъ, по своему техническому употребленію, большое хозяйственное значеніе. Болѣе крупный или мелкій матеріялъ получается смотря по виду ивъ, по роду хозяйства и по способу пользованія. Крупный матеріялъ идетъ на фашины, плетни, рукояти, тычины подъ горохъ и т. п. Болѣе мелкій матеріялъ на плетеніе тонкихъ корзинъ, на длинный и тонкій прутнякъ. Культурные виды требуютъ по крайней мѣрѣ свѣжей луговой почвы и рѣдко переходятъ съ приречныхъ низменностей на менѣе сырыя почвы. Текучая вода, оставляющая на прилегающихъ берегахъ илъ, составляетъ необходимое условіе для успѣшнаго роста культурныхъ породъ. Не проточная, особенно кислая и содержащая въ себѣ желѣзистыя соединенія, вода имъ не годна. Даже для нихъ слишкомъ кисла трясинная почва, въ случаѣ если не устроены очень узкія гряды съ насыпною песчаною почвою. Ростъ ивъ плохъ по берегамъ рѣкъ съ болотною, торфянистою водою; морская соленая вода вредно вліяетъ на ростъ ивъ на прибрежьяхъ. Ивы ростутъ хорошо въ рыхлой, особенно въ сырой песчаной почвѣ, попадаясь и въ песчаныхъ и каменистыхъ руслахъ рѣкъ. Культурныя ивы ростутъ преимущественно въ защищенныхъ рѣчныхъ долинахъ и, несмотря на свое распространеніе по всему земному шару, ростутъ плохо въ болѣе возвышенныхъ положеніяхъ. Бѣлая ива или бѣлотасъ—крупное дерево. Листья узкіе, заостренные, ланцетовидные, мелко зазубренные, покрытые въ молодости шелковистыми волосками. Видоизмѣненіе ея—желтая ива, имѣющая желтоватую кору, отличается вязкостью и гнуткостью прутьевъ—куда лучше, чѣмъ бѣлая. Помѣсь бѣлотаса съ ломкою ивою или бурая ива имѣетъ бурый цвѣтъ вѣтвей и листья, занимающія средину между листьями бѣлой ивы и листьями ломкой ивы. Ломкая ива иногда крупное дерево. Листья ея шире, чѣмъ у бѣлой, ланцетовидны, заострены, крупнозазубрены и голы, съ вогнутыми внутрь зубцами. Хотя она и даетъ много древесной массы, однако ее мало цѣнятъ, вслѣдствіе ея ломкости. Небольшая пятимужная ива имѣетъ широкія, яйцевидныя, заостренныя, мелкозазубренныя и голыя листья, черенки, обильныя желѣзками, и 5—10 тычинокъ въ цвѣткѣ. Она цвѣтетъ только въ іюнѣ. Въ техникѣ древесина не пользуется репутаціею. Трехмужная или миндалелистная ива также не достигаетъ большихъ размѣровъ. Кора отдѣляется чешуйками, точно кора чинара, листья съ синеватымъ налетомъ на нижней сторонѣ, схожія съ листомъ миндальнаго дерева. Они съ обѣихъ сторонъ голы, ланцетовидны и зазубрены, въ цвѣткѣ 3 тычинки. Даетъ длинный гнуткій прутнякъ и производитъ много матеріяла. Тальникъ, разновидность ивы, имѣетъ внутреннюю сторону коры на вѣтвяхъ зеленаго цвѣта, длинные, заостренные, ланцетовидные, цѣльнокрайніе, блестящіе листья, покрытые на нижней сторонѣ бѣлыми шелковистыми волосками. Длинные, гибкіе и вязкіе прутья близко расположены другъ къ другу. Пурпуровая ива имѣетъ внутреннюю сторону коры на вѣтвяхъ лимонно-желтаго цвѣта и голые, ланцетовидные, мелкозазубренные, нѣсколько расширяющіеся кверху листья. Цвѣтъ ихъ синеватосѣрый и они расположены часто супротивно. Пыльники красные, затѣмъ чернѣющіе; тонкій прутнякъ идетъ на корзины. Шелюга или каспійская ива называется нерѣдко по темнобурому цвѣту коры у вѣтвей и черною. Листья линейные, заостренные, ланцетовидные, пилозазубренные, голые. Младшіе побѣги покрыты сѣрымъ налетомъ, также легко стираемымъ, какъ и у сливы. Это крупная порода, идущая на плетеніе корзинъ, а главнымъ образомъ на укрѣпленіе летучихъ песковъ и различныхъ почвенныхъ откосовъ, напр., по желѣзнымъ дорогамъ. Корни ея расходятся далеко вширь, но боковой тѣни шелюга не переноситъ. Она разводится обыкновенно посадкою отдѣльныхъ черенковъ въ разрыхленную почву. Она идетъ хорошо и въ земельныхъ бугоркахъ, набросанныхъ на сырой (но не на мокрой) песчаной или торфянистой почвѣ осенью передъ весеннимъ разведеніемъ шелюги. Обыкновенно ее разсаживаютъ на разстояніи одного фута между отдѣльными черенками, иначе побѣги слишкомъ разстилаются вширь и облѣсеніе является слишкомъ рѣдкимъ. Первичные побѣги срѣзываются въ однолѣтнемъ или двухлѣтнемъ возрастѣ, хотя бы они и не имѣли сбыта, а затѣмъ послѣдующая срѣзка побѣговъ происходитъ черезъ каждые 4 года. Къ некультурнымъ ивамъ относятся: мелкая ползучая ива, кустарная ушастая ива; лѣсные виды: ползучая, водяная, отличающаяся своими пепельносѣрыми волосистыми листьями. Мелкая ползучая ива имѣетъ нѣсколько видоизмѣненій и является часто при различныхъ неблагопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ, образуя собою часть живого почвеннаго покрова. Она растетъ и на летучихъ сухихъ пескахъ и на сырыхъ, торфянистыхъ почвахъ. Ушастая ива появляется нерѣдко на лѣсосѣкахъ со свѣжею почвою, а чаще въ сырыхъ лѣсахъ, истощенныхъ непомѣрною рубкою. Водяная попадается чаще всего на трясинныхъ почвахъ, покрытыхъ водою, и на другихъ мокрыхъ почвахъ, имѣетъ малую техническую цѣнность. Козья ива—быстро растущая порода, заглушающая собою другія, болѣе цѣнныя породы, почему при прочисткѣ лѣсосѣкъ порубается. Она цѣнится какъ топливо и идетъ на нѣкоторыя подѣлки. Ивы имѣютъ огромное значеніе для гидротехническихъ сооруженій. Онѣ служатъ матеріяломъ для устройства фашинъ, для укрѣпленія береговъ противъ подмывки ихъ, ледохода, напора волнъ. Нѣтъ лучшаго средства для удержанія ила на почвахъ, періодически наводняемыхъ и назначенныхъ подъ пользованіе травою, какъ устройство рвовъ и насыпей, съ разведеніемъ на нихъ ивы; рвы и густой ивовый кустарникъ хорошо задерживаютъ илъ. По берегамъ соленой морской воды ивы, правда, не ростутъ, и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ довольствоваться для удержанія ила одними рвами. Иву разводятъ на песчаныхъ наносахъ, образующихся въ руслахъ рѣкъ или по берегамъ рѣкъ. Въ руслахъ рѣкъ такіе песчаные наносы представляютъ собою естественныя почвы для разведенія ивъ, но и на береговыхъ песчаныхъ наносахъ съ хорошею почвою, разведеніе ивы можетъ оказаться весьма выгоднымъ, причемъ почва еще можетъ и улучшаться въ своемъ плодородіи наноснымъ иломъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда почвѣ угрожаетъ опасность отъ высокой воды, заносящей такія почвы пескомъ, широкая и густая полоса ивы оказываетъ существенную защиту, задерживая песокъ. На истощенныхъ пашняхъ, на насыпяхъ земли изъ канавъ, проведенныхъ для осушки пашенъ, въ придорожныхъ рвахъ, на лугахъ, по берегамъ рѣкъ и въ оврагахъ оказывается выгоднымъ разведеніе ивы; гдѣ кустарная ива повреждается пасущимся скотомъ, можно разводить и безвершинный ивовый лѣсъ. Во врачебной практикѣ прежде употреблялся, открытый Леру, глюкозинъ-салицинъ, находимый въ различныхъ видахъ ивы. Прежніе врачи приписывали ему не только противугнилостное, но также противулихорадочное дѣйствіе. Салицинъ въ прежнее время употреблялся противъ перемѣжающейся лихорадки, въ дозахъ, въ 4 раза превосходящихъ дозы хинина. Утверждали, что и большіе пріемы его не разстраивали пищеварительныхъ органовъ. Клиническіе опыты надъ нимъ, производившіеся въ большомъ числѣ во время господства континентальной системы, когда не было хинина, такъ противорѣчивы, что въ настоящее время салицинъ вовсе не употребляется. Фармакопея германская не сохранила ни салицина, ни ивоваго корня (cortex salicis). Кора всѣхъ ивъ безъ разбора употребляется у насъ въ огромномъ количествѣ, напр. на выдѣлку юфти. Ива идетъ въ красильномъ дѣлѣ. Вѣтви бѣлой ивы употребляются у насъ при обрядѣ ношенія вербы, въ недѣлю Ваій, названную по этому вербнымъ воскресеньемъ. Вообще ива весьма полезное дерево.

— **Замѣчательныя археологическія открытія.** Изъ Лондона пишутъ, отъ 30 іюня, въ «Кельнскую газету»: Во время послѣднихъ своихъ раскопокъ въ Азіи Гермуздъ-Рассамъ сдѣлалъ, между прочимъ, интересное открытіе, что если вѣрить весьма распространенному мнѣнію, по которому вавилонская башня находилась въ Бирс-Нимрудѣ, великолѣпное строеніе это разрушено не молніей и не непріятельскимъ нападеніемъ, а сильнымъ землетрясеніемъ, въ связи съ вулканическимъ изверженіемъ. Недостроенныя стѣны, такимъ образомъ, были разрушены. Гермуздъ-Рассамъ въ разныхъ пунктахъ изслѣдовалъ новую, до сихъ поръ не развѣданную почву. Въ Невби-Юнусъ, гдѣ, будто бы погребенъ пророкъ Іона, онъ от-

крылъ остатки великолѣпныхъ дворцовъ царей Эсдергеддона и Санхериба. Совершенно ново открытіе имъ дворца Навуходоносора на неизслѣдованномъ, до сихъ поръ, холмѣ въ древнемъ Вавилонѣ. Этотъ дворецъ, очевидно, былъ гигантскимъ зданіемъ. Обломки колонъ и башенъ показываютъ и теперь еще драгоцѣнную эмальированную работу. Бревна сдѣланы изъ индійскаго дерева. Вообще обломки несомнѣнно свидѣтельствуютъ о бывшемъ великолѣпіи и роскоши.

— **Ископаемый городъ.** Древній Сипунтумъ, упоминаемый Страбономъ и Титомъ Ливіемъ и уничтоженный землетрясеніемъ, открытъ близь Монъ-Горгано. Найденъ великолѣпный храмъ Діаны, украшенный портикомъ, имѣющимъ не менѣе двадцати метровъ толщины, а также обширная усыпальница. Неаполитанскій музей уже обогатился многими драгоцѣнными вкладами, добытыми при раскопкахъ, предпринятыхъ итальянскимъ правительствомъ.

— **Губитель пчелъ.** Смерть пчелъ приписывали долгое время дѣйствію растительныхъ ядовъ, но это невѣрно ужь потому, что пчела извлекаетъ изъ ядовитой азаліи ядовитый нектаръ, и отравляетъ имъ свои соты, а между тѣмъ, остается въ живыхъ. Дюшмэнъ прослѣдилъ недавно, что къ пчеламъ присасывается микроскопическій червячекъ (acarus), который внѣдряется въ ея тѣльце, и причиняетъ смерть. Червячокъ этотъ водится также на обыкновенномъ подсолнечникѣ (Helianthus annuus) и очень возможно, что онъ съ этого растенія непосредственно переходитъ на пчелъ, извлекающихъ изъ него соки.

— **Еще новый врагъ полей.** Въ «Новороссійскій Телеграфъ» пишутъ изъ одескаго уѣзда объ истребленіи льна червячкомъ особаго рода: «Червячокъ этотъ имѣетъ около 1/2 вершка въ длину. Онъ зеленовато-желтаго цвѣта, вдоль всей спины тянутся сѣрыя полосы; онъ обладаетъ четырьмя парами ногъ и четырьмя парами щупальцевъ, расположенныхъ въ задней половинѣ туловища. Сверхъ того, имѣетъ онъ у хвоста, который заканчивается узкимъ хоботкомъ, еще одну пару щупальцевъ, при помощи которыхъ онъ крѣпко присасывается къ стеблю растенія. Онъ весьма искусно разбиваетъ чашечку льна и выѣдаетъ до-чиста всю внутренность, оставляя одну шелуху. Съѣвши одну чашечку, онъ переходитъ къ другой и т. д. до тѣхъ поръ, пока весь кустъ не бываетъ совершенно очищенъ. Червячекъ этотъ появился весьма недавно и прежде о немъ крестьяне ничего не слыхали: крестьяне села Ивановки, которые успѣли собрать лёнъ раньше появленія этого новаго бича, говорятъ, что въ ихъ деревнѣ онъ набросился на такъ-называемые калачики и, уничтоживши ихъ всѣ до тла, огромною вереницею проползъ по улицамъ деревни и скрылся по направленію къ сѣверозападу. Противъ этого червячка не помогутъ никакія жучколовки, такъ какъ онъ весьма крѣпко присасывается къ растенію и его можно оторвать только вмѣстѣ съ вѣткою растенія, на которой онъ расположился».

— **Гнѣздо въ вагонѣ.** Въ вѣнской «Eisenbahn Zeitung» пишутъ: «Служащіе при мѣстномъ поѣздѣ, ежедневно ходящемъ между Вѣною и Штокерау, на австрійской сѣверо-западной рельсовой линіи подмѣтили фактъ, заслуживающій въ высшей степени вниманія орнитологовъ. Всякій разъ, когда поѣздъ пріѣзжаетъ въ Штокерау, его встрѣчаетъ съ радостнымъ щебетаніемъ пара ласточекъ, и, какъ скоро отворяется багажный вагонъ подъ № 185, пернатая парочка влетаетъ туда и усердно принимается за работу надъ начатымъ гнѣздомъ. Какъ скоро наступаетъ время отбытія поѣзда въ Вѣну, ласточки добровольно вылетаютъ изъ вагона, и усѣвшись на ближнемъ карнизѣ, съ нетерпѣніемъ ждутъ его возвращенія. Такъ продолжается уже нѣсколько дней и въ настоящее время гнѣздо почти готово. Служащіе и всѣ, кто знаетъ объ этомъ любопытномъ фактѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, каковъ будетъ исходъ этого въ высшей степени интереснаго эпизода изъ жизни пернатыхъ».

— **Повальное сумасшествіе.** Въ Италіи въ Верзегнисѣ, около Удины, произошелъ замѣчательный случай повальнаго заболѣванія разстройствомъ умственныхъ способностей. Двадцать дѣвушекъ и женщинъ отъ 12 до 45 лѣтъ сошли съума вслѣдствіе проповѣди одного іезуита, внушившаго имъ непреодолимую боязнь чорта. Нѣсколько часовъ каждые сутки больные или такъ называемые «одержимые» проводятъ спокойно, но по временамъ они совершаютъ самые странные эксцентрическіе поступки: они поютъ по пѣтушиному, мяучатъ, лаютъ, рычатъ, хохочутъ, клянутся и кричатъ преимущественно противъ священниковъ, которые не могутъ освободить ихъ отъ демоновъ-мучителей. Порой они предаются самымъ безстыднымъ жестамъ и тѣлодвиженіямъ, хотя въ здоровомъ состояніи всѣ онѣ отличались образцовой скромностью и нравственностью. Случай этотъ напоминаетъ тѣ происшествія, которыя не разъ подавали поводъ, въ прежнія времена, къ уголовнымъ процесамъ, какъ напр., процесы Лудунскихъ монахинь и Урбана Грандье; но въ нашъ научный вѣкъ этотъ странный фактъ даетъ только интересный случай для психіатрическихъ изслѣдованій. Два итальянскихъ доктора Францолини и Чіанъ уже отправились для этой цѣли на мѣсто происшествія.

— **Покушеніе на убійство.** На сценѣ театра въ Чикаго шла трагедія Шекспира «Ричардъ II», и актеръ Бутъ только что началъ извѣстный монологъ послѣдняго дѣйствія, во время котораго онъ освѣщенъ электрическимъ свѣтомъ, какъ вдругъ съ высоты первой галереи раздался пистолетный выстрѣлъ, не вызвавшій, однако, особеннаго волненія, такъ какъ сначала думали, что это не болѣе какъ случай. Бутъ самъ даже почти не прервалъ своего монолога и окончилъ начатую имъ фразу. Но вдругъ раздался еще выстрѣлъ, и актеръ, не подозрѣвая, что онъ самъ служитъ предметомъ и цѣлью преступнаго покушенія, но инстинктивно сознавая, что кому-то угрожаетъ опасность, подошелъ къ рампѣ и, указывая на мѣсто, откуда раздались выстрѣлы, вскричалъ: «Тамъ, тамъ, онъ находится!» Въ тоже время публика массами встала и со всѣхъ сторонъ раздались возгласы: «Не выпускайте его! Повѣсьте его! Бросьте его черезъ окно!» Человѣка, производившаго выстрѣлы, схватили и отправили въ полицію, гдѣ онъ сознался, что выстрѣлы были направлены противъ Бута, котораго онъ имѣлъ намѣреніе убить. Убійца — молодой человѣкъ, весьма красивой наружности, съ весьма симпатичнымъ и длиннымъ лицомъ, по имени Маркъ Грей; онъ служилъ приказчикомъ въ модномъ магазинѣ въ Сан-Луи. Это человѣкъ вовсе не экзальтированный или сумашедшій, напротивъ,—очень спокойный и хладнокровный; онъ говоритъ о своемъ преступленіи просто, какъ о вещи самой обыденной, и заявляетъ о своей твердой рѣшимости повторить свое покушеніе, какъ только онъ будетъ имѣть возможность. Онъ упорно отказывается объяснить причину своей ненависти къ Буту, но говоритъ, что на судѣ онъ объяснитъ все и что тогда всѣ поймутъ и оправдаютъ его. Все, что можно было узнать отъ него, заключается въ томъ, что три года тому назадъ Бутъ нанесъ тяжкое оскорбленіе кому-то изъ его (Грея) знакомыхъ—женщина-ли эта или мужчина—неизвѣстно; вслѣдствіе того Грей рѣшился отомстить актеру.

— **О шампанскомъ.** Въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ «Жив. Об.» мы привели нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, какія услуги оказало гастрономіи католическое духовенство. Оказывается, что ему же мы обязаны изобрѣтеніемъ шампанскаго или вѣрнѣе «аи». Изобрѣлъ его, причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ, монахъ Ремигій, усердно занимавшійся винодѣліемъ. Первоначально «аи» было красное и не пѣнистое. Пѣнистымъ шампанское сдѣлалось только въ 1714 году, т. е. въ послѣдній годъ царствованія Людовика XIV. Этимъ мы обязаны эконому бенедиктинскаго монастыря въ Говилье, отцу Периньону изъ Сен-Менечуль. Средство дѣлать шампанское пѣнистымъ долго оставалось секретомъ, что доставило благочестивымъ бенедиктинцамъ не мало презрѣннаго метала. Между тѣмъ ларчикъ просто открывался. Аи становится пѣнистымъ, коль скоро приступаютъ къ разливкѣ его въ бутылки тотчасъ же послѣ жатвы. Въ 1797 году въ продажѣ находились уже и пользовались громадною репутаціею три рода пѣнистаго шампанскаго: Flacon petillant, Flacon mousseux и Flacon Saute-bouchon. Вольтеръ очень любилъ Saute-bouchon. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи наибольшей репутаціи достигло, какъ извѣстно, шампанское «вдовы Клико». Теперь же въ славѣ шампанское нѣсколькихъ новыхъ марокъ.

— **Дѣло о глухомъ тетеревѣ.** Въ іюльской книжкѣ журнала «Русская Старина» напечатано «Дѣло о глухомъ тетеревѣ». Оно состоитъ въ томъ, что одинъ крестьянинъ презентовалъ графу Льву Сологубу убитаго имъ тетерева, котораго графъ принялъ и велѣлъ положить въ погребъ, а крестьянину выдать за усердіе полтинникъ. Чрезъ нѣсколько дней графъ велѣлъ тетерева зажарить, но онъ оказался подгнившимъ и изъѣденнымъ мышами. По поводу этого тетерева въ управленіи домомъ графа Л. Сологуба шла переписка, изъ которой 11 номеровъ напечатано въ «Русской Старинѣ». Вотъ образцы этой канцелярской работы.

Управленіе дома его сіятельства графа Льва Ивановича Сологуба.

Отдѣленіе хозяйственное. Столъ IV. 19 іюня 1825 года. № 3751. О глухомъ тетеревѣ.	Его высокографскому сіятельству, графу Льву Ивановичу Всеподданнѣйшее донесеніе.

Сего числа крестьянинъ вашего сіятельства Трифонъ Абрамовъ, изъ давнихъ лѣтъ занимающійся птичею охотою, принесъ въ даръ для стола вашего сіятельства глухаго тетерева, имъ застрѣленнаго: хозяйственное отдѣленіе, имѣя счастіе донести о семъ вашему сіятельству, будетъ ожидать на сей предметъ начальническаго вашего предписанія.

Управляющій управленіемъ: Андріянъ Зиновьевъ.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидоровъ.

Резолюція: «Крестьянину Трифону Абрамову за усердіе его выдать выдать полтину; а глухого тетерева по надлежащему отдать на ледникъ, впредь до моего повелѣнія.

20 іюня. «Графъ Левъ Сологубъ».

12 іюня 1825 года. № 3755. О храненіи, предь до приказанія его сіятельства, глухаго тетерева.	Изъ отдѣленія хозяйственнаго дома его сіятельства клюшницѣ Феклѣ Варфаломѣевой.

Ордеръ.

Вслѣдствіе собственноручной его сіятельства резолюціи на докладѣ сего отдѣленія, въ 20-й день сего іюня воспослѣдовавшей, и по опредѣленію, въ общемъ присутствіи управленія дома его сіятельства состоявшемуся, имѣешь ты препровождаемаго при семъ глухого тетерева хранить по принадлежности на ледникѣ впредь до особаго приказанія его сіятельства, и въ случаѣ малѣйшаго поврежденія онаго доносить отдѣленію. Въ противномъ случаѣ подвергнешь себя гнѣву его сіятельства и строжайшему наказанію.

Правитель отдѣленія: Макаръ Сидоровъ.

Но несмотря на всѣ эти ордеры, съ угрозами, тетеревъ сгнилъ, о чемъ тѣмъ же порядкомъ было донесено графу, который положилъ такую резолюцію:

«Подозрѣваю злоупотребленіе; а потому приказываю чиновнику особыхъ порученій, Игнашкѣ Скорохвату, произвести строжайшее слѣдствіе, общее съ членомъ медицинскаго отдѣленія, цырюльникомъ Гришкою; и что открыто ими будетъ о томъ со всею подробностію мнѣ донести.

29 іюня 1825 г. «Графъ Левъ Сологубъ».

Дѣйствительный-ли это фактъ или шутка, редакція «Русской Старины» не знаетъ, но она получила бумаги отъ А. С. Лашкевича и ручается, что по цвѣту бумаги и водянымъ клеймамъ, по почеркамъ и цвѣту чернилъ—все дѣлопроизводство о глухомъ тетеревѣ несомнѣнно принадлежитъ къ 1825 году.

— **Изъ жизни одного романиста** (Разсказъ Ж. Мальяра). Не всегда можно позавидовать положенію великаго писателя! Случается иногда, что ему приходится проклинать и свой успѣхъ, и свою славу. Конечно, завидная доля быть идоломъ читателей, но есть и оборотная сторона, и

одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ романистовъ на практикѣ ознакомился съ нею. Фамилія его ... впрочемъ, я не могу ее назвать. Скажу только, что втеченіи 20 лѣтъ онъ написалъ 10 романовъ, доставившихъ ему и извѣстность, и хорошее состояніе; драматическія его произведенія тоже пользуются большимъ успѣхомъ, однимъ словомъ, онъ—одинъ изъ лучшихъ писателей нашего времени. Когда онъ былъ занятъ своимъ послѣднимъ романомъ въ его рабочій кабинетъ, какъ ураганъ, влетѣлъ незнакомый ему господинъ; стуча каблуками, размахивая руками, онъ мимоходомъ извинился, что обезпокоилъ хозяина. Романистъ, застигнутый врасплохъ, волей-неволей долженъ былъ подчиниться этому нашествію. Незнакомецъ сѣлъ и, глубоко вздохнувъ и закативъ глаза къ небу, медленно произнесъ:

— Милостивый государь, я несчастный мужъ.

— Очень жаль, отвѣчалъ романистъ,—но чему я обязанъ, что вы удостоили меня вашимъ признаніемъ, на которое я не имѣлъ права разсчитывать.

Незнакомецъ свирѣпо посмотрѣлъ на него.

— Ошибаетесь, милостивый государь, сказалъ онъ;—вы увидите, что и вы заинтересованы въ моемъ несчастіи. Слушайте до конца.

— Но у меня много работы.

— Очень жаль, но я долженъ вамъ разсказать всю мою исторію.

— Ну, я васъ слушаю, сказалъ романистъ.

— Три года тому назадъ, я женился на молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ. Бракъ былъ заключенъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и все обѣщало мнѣ невозмутимое счастье. Правда, между мною и моей женой была разница въ лѣтахъ: ей было 18, мнѣ 45; но вы можете сами судить, какъ я еще бодръ и свѣжъ. У меня атлетическое сложеніе, я ежедневно дѣлаю гимнастику, молодость я провелъ скромно; однимъ словомъ, я отлично сохранился... Уже съ первыхъ дней нашего брака я замѣтилъ, что между мной и женою не такъ велика разница въ лѣтахъ, какъ рѣзко несходство характеровъ. Жена до крайности романична, а я матеріалистъ. Мы не могли понимать другъ друга. Она все витала въ облакахъ. Постоянное чтеніе романовъ, наконецъ, обольщеніе, все это привело къ тому, что въ одно утро моя жена исчезла, оставивъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «Вы не умѣли меня понять, я уѣзжаю; вы меня никогда не увидите».

Романисты привыкли къ подобнымъ разсказамъ, многіе сообщаютъ имъ свои тайныя муки, свои домашнія непріятности. Покинутыя жены, обманутые мужья воображаютъ, что съ ними случилось какое-то оригинальное несчастіе, которое можетъ быть сюжетомъ драмы или романа. Такъ понялъ и нашъ романистъ своего собесѣдника.

— Да, продолжалъ покинутый мужъ послѣ минутнаго раздумья, — моя жена исчезла. Что сталось съ нею?

— Ничего не могу вамъ сказать, отвѣтилъ литераторъ тономъ, полнымъ участья.

— И я также не знаю; но человѣкъ съ моимъ характеромъ не можетъ этого такъ оставить; тутъ затронута моя честь, мнѣ нужно удовлетвореніе; и я пришелъ просить его у васъ.

— У меня?

— У васъ!

— Какъ! вскричалъ ошеломленный романистъ.—Вы меня подозрѣваете въ похищеніи вашей жены?

— Въ числѣ книгъ, которыя моя жена читала съ пагубнымъ увлеченіемъ, были и ваши сочиненія. Рядомъ съ ея послѣдней запиской лежалъ вашъ романъ; онъ былъ открытъ на сценѣ, полной страсти и увлекательности. Я имѣю право думать, что и вы отчасти виною моего несчастія. Я не могу догнать бѣглецовъ, а потому и обращаюсь къ вамъ.

— Вы съума сошли?

— Нисколько.

— Но обвинять меня въ вашемъ несчастіи, не чистое-ли это безуміе?

— Я нахожу вполнѣ законнымъ это обвиненіе и требую удовлетворенія. Я хочу съ вами драться; выберите оружіе.

Нужно быть романистомъ, драматургомъ, человѣкомъ, привыкшимъ къ самымъ причудливымъ комбинаціямъ, чтобы не растеряться при такомъ странномъ требованіи.

— Милостивый государь, сказалъ литераторъ, —ваше требованіе нелѣпо!

Незнакомецъ побагровѣлъ и, быстро вскочивъ, закричалъ:

— Повторяю вамъ, я жажду мести и удовлетворю ее на васъ!

Наконецъ и романистъ потерялъ терпѣніе.

— Чортъ возьми, если вы заговорили такимъ тономъ, хорошо, я буду драться. Присылайте секундантовъ.

— Сегодня же, пробормоталъ незнакомецъ и такъ же шумно вышелъ, какъ и пришелъ.

Секунданты съѣхались для переговоровъ, много было затрудненій, но одинъ противникъ желалъ непремѣнно драться, другой принялъ вызовъ, слѣдовательно дуэль должна была состояться. Условились съѣхаться черезъ день вечеромъ на границѣ Бельгіи. Секунданты разсчитывали на мѣстѣ уладить дѣло и, подписавъ протоколъ поединка, разстались до назначеннаго дня.

Въ сущности, романисту очень было не по вкусу это странное приключеніе, но что было дѣлать? Онъ философски взглянулъ на дѣло и сдѣлалъ на случай смерти свои распоряженія. Поѣздъ уходилъ въ 8 часовъ. Въ 7 часовъ романистъ былъ готовъ, въ $7^1/_2$ за нимъ заѣхали секунданты; они собрались ужъ ѣхать, какъ вдругъ звонокъ, подаютъ депешу изъ Женевы. Романистъ прочелъ: «Я напалъ на ихъ слѣдъ. Но если подлый похититель ускользнетъ отъ меня, я снова явлюсь къ вамъ».

— О, животное! вскричалъ романистъ, заливаясь смѣхомъ,—этотъ рогоносецъ положительно взбѣсился.

— **Нечаянное исцѣленіе.** «Gazette des Hopitaux» разсказываетъ слѣдующій случай: одинъ врачъ, призванный къ больному, находящемуся въ опасномъ фазисѣ холеры, прописалъ ему, не надѣясь на благопріятный исходъ болѣзни, рвотное изъ $9_{,185}$ центиграмовъ ипекакуана для пріема три раза черезъ каждые полчаса. Сидѣлка, введенная въ заблужденіе выраженіемъ «prises» (пріемъ, доза), дала больному вынюхать одну треть порошка ипекакуана, вслѣдствіе этого паціентъ сталъ чихать сильнѣйшимъ образомъ. Послѣдовала реакція, кожа больного оживилась, симптомы опасной болѣзни мало по малу исчезли, и врачъ, пріѣхавъ навѣстить умирающаго, нашелъ его на пути къ выздоровленію.

— **Благодарность.** Нѣкто Браунъ, скончавшійся недавно въ Сен-Луи (въ Америкѣ), отказалъ по духовному завѣщанію господину, похитившему его жену лѣтъ десять тому назадъ, весь свой капиталъ, состоящій изъ 1,000 доларовъ, на томъ основаніи, какъ онъ самъ выразился, «что онъ втеченіи всей своей жизни неизмѣнно держался правила не забывать оказанныхъ ему услугъ».

— **До чего доходитъ конкуренція.** На трехъ желѣзно-дорожныхъ линіяхъ, соединяющихъ Канзасъ съ С.-Луи и Чикаго, плата за проѣздъ (на разстояніи почти 500 верстъ) постепенно спустилась, вслѣдствіе соперничества, съ 16 доларовъ (30 р.) до половины долара (90 к.). Затѣмъ на одной изъ линій она была понижена до пяти центовъ (нѣсколько менѣе гривенника). Остальныя двѣ линіи тотчасъ-же послѣдовали этому примѣру и, сверхъ того, заявили, что пасажиры могутъ получать безплатно по кружкѣ пива въ буфетахъ каждой изъ главныхъ станцій ихъ желѣзныхъ дорогъ.

— **Исправленіе носовъ.** Нѣмцы берутся даже и за исправленіе носовъ. Въ отдѣлѣ объявленій одной южно-германской газеты напечатано: «Исправленіе носовъ (Nasencorrectur). Некрасивые, слишкомъ толстые, плоскіе, кривые и тому подобные носы исправляетъ письменно и придаетъ имъ новую приличную и граціозную форму Генслеръ-Маубахъ, директоръ носо-лечебнаго заведенія въ Баденъ-Баденѣ.

— **Китайская стѣна.** Американскій инженеръ, Уиданкъ, руководящій въ настоящее время постройкой желѣзной дороги въ Китаѣ, осматривалъ китайскую стѣну и сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ замѣчательномъ сооруженіи: «Она идетъ на протяженіи ста шестидесяти нѣмецкихъ миль, вышиной она въ восемнадцать, а толщиной въ пятнадцать футовъ. Она сложена изъ простого камня, но стоитъ на гранитномъ фундаментѣ. Четыреугольныя башни ея, имѣющія отъ двадцати пяти до тридцати футовъ въ вышину и по девяносто шести футовъ въ окружности, возвышаются на разстояніи двухсотъ-трехсотъ шаговъ одна отъ другой. Эти башни соединены парапетами, которые идутъ по обѣимъ сторонамъ стѣны и скрываютъ осажденныхъ отъ глазъ непріятеля, при переходѣ ихъ изъ одной башни въ другую. Неровность почвы не помѣшала возведенію стѣны: она поднимается на горы, спускается въ долины и часто въ пропасти, глубиною до тысячи футовъ. Чрезъ ручьи и небольшія рѣки перекинуты мосты, а на берегахъ большихъ рѣкъ построены хорошо укрѣпленныя башни. «Эта колоссальная стѣна построена была, приблизительно, за два вѣка до Р. Х., для огражденія страны отъ вторженія татаръ. Невозможно опредѣлить—сколько времени она строилась; но, безъ сомнѣнія, миліоны людей трудились надъ нею».

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу бѣдныхъ погорѣльцевъ г. Оренбурга отношеніями отъ 19 іюня за № 982 и 2 іюля за № 1141 увѣдомляя Ред. «Жив. Об.» о полученіи присланныхъ ею и поступившихъ къ ней отъ жертвователей денегъ: въ первый разъ 39 руб., а во второй 9 руб., проситъ выразить искреннюю благодарность жертвователямъ за оказанную ими помощь бѣдствующимъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 28-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 14-го іюля въ 6 часовъ 30 минутъ, на иногороднюю почту 15-го іюля въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 20 Іюля 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)